

**АЛЕКСАНДР
ТИМОШИН**

ВЕСЛА-НА ВОДУ!

Тимошинин А.И. - Весла - на воду!

Тимошинин Александр Иванович
Заслуженный мастер спорта
Двукратный олимпийский чемпион
Кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета»

Издательство: Москва 'Молодая гвардия', 1985

Глава 1.

Размышления у пирса

...Листая одну из своих "гребных" тетрадок, натолкнулся на "во-первых", "во-вторых" и "в-третьих", которые записаны много лет назад. Итак:

Во-первых. Если долго идти к победе, достичь ее и посчитать, что дело сделано, - значит, предать тех, кто вел тебя к победам и верил в тебя, как в себя.

Во-вторых. Чтобы понять и полюбить академическую греблю, надо заниматься ею всю жизнь.

В-третьих. Академическая гребля - один из немногих видов спорта, которые способствуют полному физическому развитию человека.

Вот и все. Просто запись из детства, нацарапанная на обложке тетрадки с планами тренировок. А можно и так: набросок формулы любви...

Я спортсмен. Как теперь говорят, бывший. Сейчас - тренер. Работаю в московском "Динамо". И вот что хочу сказать: бывших спортсменов не бывает. Просто наступает время, когда на смену нам приходят молодые. Они полны сил и по-спортивному честолюбивы, и они становятся чемпионами. А мы остаемся бывшими чемпионами, но не бывшими спортсменами. Вот и весь конфликт "отцов" и "детей", как я его вижу со своего "холма".

Я буду рассказывать о гребле академической. Потому что я гребец, "академик" (так уж нас величают). Но- не забудьте, что законы спорта - мужество, честь, долг - едины для всего спортивного братства...

"Я" - последняя буква в алфавите. Это до такой степени общеизвестно, что порой мы начинаем судорожно метаться, пытаясь всеми правдами и неправдами избежать пресловутого "яканья", стыдливо спрашивая себя: а вдруг неправильно поймут?

Я знаю цену слову "мы". Дважды становился олимпийским чемпионом в команде - родной академической двойке парной. Маленькая команда, конечно, а без "мы" и она не могла бы существовать. Но и без двух "я" - тоже.

"Я" грубоватых, шершавых и... честных в сознании того, что общее дело неизмеримо выше твоего, личного.

Став тренером, особенно четко понял и осознал: без "я" никогда не сложится "мы" - коллектив, способный подняться над средним уровнем. Не люблю, вернее, не уважаю людей, кто привык прятать свое "я" в глубине души, прикрывая мысли и поступки "мы". Нет, уж если надо, найди в себе силы сказать "я", если споришь, отстаивай свою точку зрения, борись за нее.

Растут у меня сыновья. Не знаю, какую профессию выберут, кем станут. Им это решать, не нам с женой. Хочется, чтоб главным - честностью - они никогда не поступились. А какие испытания жизнь им приготовит - кто ж это здает.

Частенько объясняю сыновьям: этого нельзя, это плохо, тут вы ошиблись. Говорю разные правильные слова и ловлю себя на мысли: многое отдал бы, чтоб не повторили они моих неверных шагов, идущих от незнания жизни, от переоценки своих сил и возможностей. Чего, кажется, проще - взять и, как на экскурсии, провести по той дороге, которую сам прошел, вразумляя: вот здесь и здесь, ребята, ваш отец поступал до того глупо и несерьезно, что ему и сейчас за это бывает стыдно. Так что запоминайте и делайте выводы.

А может, и хорошо, что так не бывает, что не научишь всему и все не объяснишь, чтоб дошло раз и навсегда. Человек взрослеет и человеком становится в конце концов лишь в единоборстве с самим собой. Кто-нибудь, возможно, и скажет - мол, перегнул здесь Ти-мошинин, чересчур круто взял. Спорить не буду. Но говорю именно так, а не иначе, потому что на себе все испытал.

Когда родилась идея написать книгу, то попросил знакомого журналиста помочь с литературной записью. И первый вопрос, который он задал мне, был таким: "Зачем тебе это вообще надо?"

И правда, почему решил взяться за книгу, а не за статью, к примеру, в "Советский спорт". За целую книгу на сотню страниц. Времени и так в обрез, а тут добровольно взвалил на себя совершенно непривычный труд, даже не на месяцы, на годы рассчитанный. В общем, смутил он меня своим вопросом. Хоть до этого все казалось простым и ясным: расскажу о моей до боли любимой академической гребле, о том, каким тяжким трудом дается олимпийское "золото", о великих спортсменах, с кем довелось выступать...

"Придумал? - подлил масла в огонь журналист. - Понятно, товарищ Тимошинин. Другие чемпионы пишут, так почему бы и вам не попробовать? Две Олимпиады, сотни регат, десятки призов и медалей. Занятно, любопытно, интересно..."

И тут я взорвался. Сам не знаю почему - заели, наверное, эти слова. Чуть ли не на крик перешел, защищал свою книгу, еще не обретшую бумажную плоть, но давным-давно написанную в мыслях, выстраданную, если хотите. Нутром вдруг почувствовал, что не мне она нужна, нет, а тем молодым, которые в большом спорте пока барахтаются, как слепые щенята. Им, юным, которых

хочется увидеть впоследствии не просто чемпионами, а людьми, без остатка отдавшими себя любимому делу, им - в первую очередь.

Учитель спортсмена - это его тренер. Мне везло: сначала мною занимался отец, затем "папа" Самсонов.

Интересно, жалел ли меня отец, когда был моим тренером? Что-то не припомню такого...

Я так понимаю: если на жалости к себе воспитываешься, то постепенно перестаешь чувствовать в себе человека-борца. Понял это, когда вырос из детства. Тогда еще больше оценил любовь Ивана Трофимовича Ти-мошинина, отца и тренера.

Он знал меня, как я себя не знал, и понимал с полувзгляда. И еще сдерживал. Я сразу же хотел достичь всего и готов был впрячься в такие нагрузки, что и инвалидом стать немудрено. И не понимал, почему батя смиряет мой пыл, пропускал его назидания мимо ушей и тайком после тренировок играл в футбол до полного изнеможения. И если к вечеру у меня не двигались ни руки, ни ноги, то программа дня считалась выполненной. Я думал, что еще чуть-чуть физически окреп, и вообще чувствовал себя полностью счастливым.

Но однажды все-таки переборщил. На несколько дней ко мне прилипла какая-то безысходная тоска и усталость. Ничего не хотелось - ни спорта, ни еды. Вот тогда батя сказал: "Доигрался? Это первый звонок, и страшного пока что нет. Но голова человеку дана, чтобы думать. Знаешь пословицу: "Пошли дурака богу молиться, он себе лоб расшибет"? Делай выводы".

Благодаря примеру отца спорт в нашей семье всегда был в большом почете. Мои сестры Татьяна и Ольга, например, мастера спорта по волейболу. А жена, Наталья Кузнецова, в свое время была одним из лидеров сборной команды по прыжкам в воду, с Олимпиады в Мехико вернулась с серебряной медалью. Сейчас она, как и я, тренер, работает с юными спортсменами. И пожалуй, как никто другой, понимает, когда ошибаюсь, помогает разобраться в мыслях и поступках, го есть всегда, везде и во всем чувствую ее присутствие. А это очень здорово, если знаешь, что любимый человек в любую секунду готов прийти на помощь.

Немного стыдно в этом признаться, но до сих пор не научился быть дипломатом, ни дома, ни на работе. А ведь иногда очень надо дипломатом побыть. Так нет, рублю сплеча, а то и порадуюсь за себя: во, молоток, честностью не поступился.

Человеческая дипломатия в моем понимании не увертки и ухищрения, а умение представить себя на месте другого человека, даже пусть из школьного возраста не вышедшего, маленького, с точки зрения нашей взрослости, в чем-то глупого, но у которого есть свое собственное "я", равноправное с "я" моим.

Легко так говорить, а на деле приходится все время об этом вспоминать.

* * *

В девятнадцать лет, когда попал в сборную, ни на кого похожим быть уже не хотел. Пора кумиров прошла. Я мечтал стать гребцом Александром Тимошининым. Причем Гребцом с большой буквы. Но был в то время в сборной человек, которым искренне восхищался. И это восхищение длилось не первый год. Вячеслав

Иванов, трехкратный олимпийский чемпион - Мельбурна, Рима и Токио, - творил на одиночке чудеса. Какие еще слова для сравнения придут на ум, когда видишь: Иванов будто жестом останавливал соперников, а сам устремлялся к финишу. И лодка его не скользила по водной глади - парила над ней. Что еще поражало - казалось, он незнаком с тяжелым, монотонным трудом до седьмого пота и нестерпимой послетренировочной ломотой во всем теле.

Да, Иванов был и останется выдающимся гребцом. Он - самородок. Таким можно родиться, стать таким невозможно.

Высокий, сутуловатый, Иванов никогда не отличался большой физической силой. И в движениях его сквозила ленца. Казалось, он просто иногда позволяет себе, да и то с видимой неохотой, сесть в лодку и... выиграть.

В спорте он был игроком азартным, но никогда не заигрывающимся. Из всевозможных критических ситуаций Вячеслав выходил так тонко и ловко, что это казалось само собой разумеющимся.

Он не умел проигрывать. Как и не умел долго и усердно или, если точнее сказать, усидчиво, тренироваться. Думаю, ему было просто неинтересно... тренироваться.

По себе знаю, что заводишься на тренировках в двух классических ситуациях: когда знаешь, что без этого тебе не вырвать победу у сопернику, или когда тебе надо самого себя измочалить, перетереть в порошок, вырваться из липкой паутины личностных "не могу" и "не хочу".

А кого было ему побеждать? Иванов мог всю ночь протанцевать, повеселиться, а наутро сесть в лодку и стать чемпионом страны. И не просто победить, а психологически переиграть соперников.

Он был мастером предстартовых мизансцен, незаурядным актером. Вот смотришь на него и не можешь

не поверить, что этому человеку просто плевать на какую-то гонку, что ему абсолютно все равно, каким он сегодня придет на финиш. Но раз уж оказался он в лодке, то, так и быть, прогонит ее два километра. И гнал, неторопливо, подзадоривая соперников, которые вновь попались на сто и один раз проверенный финт и теперь пытались "отцепить" от пьедестала самого Иванова, со старта в бешеном темпе рвали веслами неподатливую воду и, не

замечая того, ломали свой стиль. Они хотели во что бы то ни стало утереть нос этому непобедимому, от которого не единожды терпели насмешки. Но на середине дистанции Иванов так же неторопливо и с выражением крайнего удивления - мол, на что вы, ребята, годитесь, если даже сегодня вы мне не пара, - уходил вперед.

И еще - он ни разу не позволил себе быть слабым на виду у соперников и зрителей. В этом и заключались суть его характера и гордость. С одинаково беззаботной улыбкой выигрывал и три корпуса лодки, и еле заметный носик. А когда должен был бы после финиша упасть на дно лодки, исчерпав силы, выжав и вывернув наизнанку всего себя, он, улыбаясь, продолжал ворочать веслами воду, отплывал подальше от глаз соперников и трибун и лишь тогда, оставшись наедине с самим собой, позволял себе немножко, самую капельку, побыть слабым.

Удивительное чутье помогало ему каждый раз находить и выбирать беспроегрешную игру. На "авось" он не надеялся никогда. На свой талант - да, а так чтоб поддаться какому-то безудержному порыву, извините. На то он и был Вячеславом Ивановым, трехкратным олимпийским чемпионом. Вывод прост: вышел соревноваться, так бейся до конца и нервы свои в же-, лезном кулаке держи. Судья пусть свое дело делает, соперник - свое, а ты гляди в оба, да не забывай, что психологическая атака в любой момент на твои позиции может обрушиться. Выдержишь, заставишь себя от дела своего ни на секунду не отключиться, значит, на коне. Забудешь эту прописную истину, считай, проиграл.

Теперь при объяснении каких-то нюансов спортивной борьбы термин "психологическая атака" употребляется все чаще. Например, на разминке перед началом баскетбольного поединка соперники начинают с треском вгонять мяч в кольцо - одной рукой, двумя, сбоку, из-за головы - в общем, как угодно. На что они рассчитывают? Что в игре у них так получится? На это меньше всего. А вот что у кого-то на противоположной стороне площадки мыслишка промелькнет: ну, ребята дают, такие в момент растерзают, - на это рассчитывают.

Или выходят два сильных гребца на старт, и, к примеру, один другому говорит, с жалостью глядя на него: "Опять проиграешь, так что можешь и не напрягаться. Посмотри на себя, высох весь на тренировках. Откуда сила-то возьмется?" И все, больше ни слова. Тот же, другой, может, несколько лет ожидавший именно этого финала и готовый к победе на все сто, вдруг мгновенно, как лампочка, перегорает.

Не вина это, а, к великому сожалению, беда многих спортсменов, по-настоящему сильных и талантливых, но не осознавших в себе силу свою, не поверивших в нее, а значит, и в себя.

Поначалу я тоже был таким. Но затем как отрубил. Понял, что, если не отброшу свои сомнения, если буду всю предстартовую информацию анализировать и через сердце пропускать, лучше лодку оставить, не позориться. А то: кто-то не так глянул, кто-то не то сказал - и пошло-поехало

все вкривь и вкось. Нет, коли ты считаешь себя большим спортсменом, сила воли и сила духа должны быть достойны тех задач, что ставишь перед собой. Это аксиома побед. И думаю, не только в спорте, вообще в жизни.

Иванов был непревзойденным мастером предстартовых психологических атак. Когда острые стрелы насмешек летели в него, то частенько сожалеюще разводил руками, являя собой самую растерянность, а хитрющие глаза смеялись: на язычок-то вы остры, посмотрим, что на воде делать умеете.

На воде, как я говорил, он умел все.

Лишний раз убедился в этом, когда Иванов вынимал из меня и душу и силы на болгарской реке Рапо-тама, куда ранней весной олимпийского шестьдесят восьмого года я впервые попал на тренировки сборной команды страны.

Почему он, знаменитый и готовящийся к своей четвертой Олимпиаде, вдруг решил взять шефство, причем довольно крутое, над девятнадцатилетним новичком, я до сих пор не пойму. Могу лишь догадываться. Скорее всего Вячеславу Иванову, непререкаемому авторитету в сборной и по-прежнему ненавидящему длительные физические нагрузки, но и понимающему, что теперь ему без них все равно не обойтись, эта игра в тренера и ученика не позволила бы в чем-либо мне уступить, так как не умел Иванов уступать, и в тоже время дала бы ему хоть какую-то эмоциональную разрядку. Не знаю, что в конце концов принес этот спарринг Иванову, но мне его шефство дало такой багаж чисто практических знаний, который ни один тренер, наверное, не смог бы передать.

Вот он, психологический момент спортивной учебы на высшем уровне. Мы оба гонщики. Нас не разделяет борт тренерского катера. По невидимому проводнику его знания передаются мне, делая меня сильнее, увереннее в своих силах. И я начинаю понимать, что такое настоящая гребля, которую объясняют не на пальцах, а демонстрируют каждый день.

Я приехал на Рапотаму без тренера. Без личного тренера. И ответственность за молодого и тем более предыдущий год проболевшего не простиралась дальше, чем следить, чтобы я не утонул и выполнял какие-то общие задания. Мог ли я обижаться на тренеров, у которых было по два-три экипажа, претендующих на поездку в Мехико на Олимпиаду. Законы олимпийского сезона жестки. Подготовить за несколько месяцев перспективного гонщика - риск. Лидеров и без того вполне хватало.

Так что я должен был ждать своего часа, а пока смотреть и учиться, а чему учиться - так это мое личное дело.

Вот тут-то и заметил меня, бесхозного, Вячеслав Иванов. Подошел как-то вечером, оглядел с ног до головы и серьезно сказал:

— Готовься, с завтрашнего дня тренируемся вместе.

Было от чего проворочаться всю ночь, думая, как бы не ударить перед ним лицом в грязь, показать все, что умею и могу. Как мне тогда казалось, умел я не так, чтоб очень мало - все-таки в сборную взяли, а это кое-что да значило.

Но на следующий день я понял, что по сравнению с Ивановым не умею ничего. Вскоре мне еще раз довелось испытать чувство полного своего неумения, когда начал грести в двойке с Анатолием Сассом. Но это было уже потом. А тогда начались для меня деньки один краше другого.

Когда с каждым из нас случается незабываемое, помнится не только главное, а каждый штришочек, который это главное оттенял.

Мне не надо закрывать глаза, чтобы вспомнить гладкий белый песок пологого, по-зимнему пустынного берега, на котором хотелось отдохнуть, раскинув руки, забыться и не слышать лому от натруженных мышц и командирский голос Иванова: "Ну что, молодой, готов? Тогда вперед, начали!"

Он был очень нужен мне именно тогда - всезнающий и гордый Вячеслав Иванов. И я ему был нужен, точнее, моя молодость и не обузданная разумом сила. Но об этой взаимной необходимости мы не сказали друг другу и полслова. Была просто бурлацкая работа.

Мы ставили лодки на воду. Иванов смотрел, как я усаживаюсь, и начинал урок:

— Купание программой не предусмотрено, - тихо и вежливо сообщал он и тут же добавлял: - Ну, что ты елозишь как на сковородке. Пойми, ты - ас, на тебя смотрят, тобой восхищаются, тебе завидуют и готовы обратить в шутку любое твое неловкое движение...

Уж в чем, в чем, а что в лодку сажусь достойно, я был уверен. Но после его высказываний казалось - как только взмахну веслами, так и перевернусь.

Мы выходили на большую воду. И уже здесь Иванов лишних слов не говорил:

— Значит, так: становишься на корпус впереди меня и держишь дистанцию.

Что такое удержать Иванова? Он ведь не накати-стым, плавным ходом идет: то ускорится, то притормозит, то вообще чуть ли не затабанит.

У меня задание одно - держать корпус разрыва, чтобы сохранялся один и тот же просвет, в который впишется скиф - так издавна называют одиночку, - как машина в гараж.

Если Иванов вполсилы идет - я в три четверти, он в три четверти - я жму полный газ, он на полную катушку накручивает... и накатывается на меня спокойно и неотвратно. Кричать, выть хочется от бессильной злости, что у него все играючи получается, а у меня - будто кирпичи ворожаю. Он поравняется, глаза скосит, и слышу:

— Э-э-э, никак мы устали?

Устали. Мягко сказано. Я полумертвый из лодки вылезал. Ноги ходуном ходили, стакан воды поднять не мог, чтобы не расплескать. Но, как он и учил, улыбаюсь. Вернее, силюсь улыбнуться. Ребята однажды спросили: "Тимошинин, чего ты после каждой тренировки роки ксгчишь?" Если бы ответил им, что чувствую себя славно и свеж как огурчик, дал бы повод для шуток. Промолчал.

От тренировочной базы на Рапотаме до места, где жили, было как раз километра три. Вот туда и обратно мы с Ивановым и бегали. Это была вторая часть моей подготовки под руководством Иванова - общефизическая.

Туда бежать еще куда ни шло, силы есть, по холодку даже приятно в медленном темпе размяться. Но обратно, после того как все, что было в тебе, все запасы и резервы оставил на воде, эти три километра превращались в адский путь.

Автобус уезжал сразу и безвозвратно. Мы же трусили вслед. Но чаще всего случалось, что в автобусе исчезал и Иванов. Я получал последние указания: мол, ты парень молодой, потерпишь, какие твои годы, и, стараясь не замечать мелькавшие в заднем стекле ухмылочки ветеранов, молча выслушивал их дружеские наставления, пожелание олимпийской скорости и, чертыхаясь про себя, считал шаги до базы.

Мой мозг давал команду: если хочешь быть достойным Иванова, делай, как он скажет. Мое самолюбие твердило: если не хочешь выглядеть тряпкой в его глазах, то заставь себя, переступи через не могу, второго такого случая не будет - доказать себе, что хоть что-то стоишь.

Главное, что я верил Вячеславу Иванову. Старался удержаться за ним во всем. Иногда ловил его поначалу удивленно-оценивающий, затем какой-то внутренне пытливый взгляд.

Через меня он проверял себя, борясь с полосой неудач, в которую попал. И поэтому все туже закручивал гайки тренировочных нагрузок. Казалось, что еще немного, еще чуть-чуть - и случится конфликт. Но Иванов эшил проблему психологической совместимости всего лишь одной фразой.

— Слушай, молодой, - сказал он как-то вечером, зайдя в комнату, где я пластом лежал на кровати. - А с тобой, оказывается, можно работать.

Следуя его советам, я постарался слепить беззаботную улыбку и предложил:

— Тогда, может, пробежимся до речки, часок покатаемся и обратно своим ходом?

Он улыбнулся - в отличие от меня - по-настоящему.

— Если так говоришь, значит, все в норме. Но учти, завтра будет катание, которое надолго запомнишь.

Это он мне пожелал спокойной ночи. Своеобразно, зато по-ивановски.

Назавтра он решил заняться моим морально-волевым воспитанием. Рапотама впадает в Черное море. Выходить в него тренеры запретили нам категорически. Но для Иванова подобный запрет все равно что искушение - не успокоится, пока не попробует. И вот мы с ним в море.

О тренерских запретах я даже и не вспомнил - не один же иду, с Ивановым, так о чем разговор. Отошли от устья реки километров на пять-шесть. Идем вдоль берега, чувствую себя прекрасно, держу Иванова на дистанции, слежу за правильностью гребка - в общем, обыкновенная тренировочная работа.

И вдруг меня начало легонько подбрасывать - волна разыгралась. Через несколько минут появились пенные барашки на гребнях волн, ветер поднялся. Лодка Иванова то появится, то исчезнет. Слышу, кричит:

— Разворачивайся, идем домой.

Легко сказать - идем домой. Всего-то и осталось что выдержать трехбалльный шторм.

Лодку швыряет вверх-вниз, болтает из стороны в сторону. Вцепился в рукоятки весел, думаю: только бы нос скифа под углом к волне держать, иначе не выберусь из этой свистопляски. То и дело оборачиваюсь, смотрю: где Иванов? А он взял да ускорился. Из виду пропал.

Ему этот шторм что детская забава. А я гребу и пою, чтобы хоть как-то в себе страх заглушить. В холодном поту добрался до спокойной воды Рапотама, где Иванов лениво сидел в лодке и ждал. И тут меня прорвало.

— Ты же бросил меня! - кричу. - А если бы я перевернулся!

В ответ ни слова, лишь ожидание во взгляде.

Я тоже молчу, все той фразой сказал. Сижу, в себя прихожу.

— Ну что, выпыхтелся? - спросил Иванов. Я молчу. Обидно все-таки.

— Наверное, здорово испугался? - роняет Иванов. Что ответить? Правда это. Поэтому и молчу.

— Тогда запомни, - строгим голосом начал Иванов. - Я глаз с тебя не спускал. Слышал, как поешь. Слов не разобрал, но выглядело впечатляюще. Голос у тебя будь здоров. На базу придем, по заявкам публики надо будет повторить. А то как-то нехорошо - такой талант и скрывать. Да, не забудь: скоро гонки, пора начинать готовиться...

И мы пошли на базу. Молча. Но самое интересное в этой истории, что, хотя я и заводил себя насчет покинутости, подсознательно все время чувствовал, что Иванов где-то рядом. И допусти я одно неловкое движение, грозящее обернуться бедой, он тут же пришел бы на помощь. И опять же больше, нежели вынужденного, купания, боялся услышать нарочито заботливый голос:

— Ох, беда-то какая. Мы с болтанкой сладить не смогли, испугались, весла из рук выпустили, отдались во власть стихии...

И так далее, и в том же духе.'

Когда подошли к базе, Иванов сказал:

— Думаю, что тренировку провели успешно. Претензии по методам и методике есть?

— Нет, - пробурчал я.

— Вот это мужской разговор, - улыбнулся он.

И непонятно было, то ли Иванов шутит, то ли нет.

Человек, который никогда не позволит обнаружить свою слабость на глазах у кого-либо, тонко чувствует то же качество в другом человеке. Да, я сорвался. Но этот крик он записал на счет моей молодости. Для него важно было другое - что я выдержал испытание. Хотя что значит выдержал? Все равно ж испугался. Да и после такого ему наговорил, что для обиды вполне достаточно. Однако не помню, чтобы Иванов когда-нибудь зримо обижался. В решении всех жизненных вопросов он всегда и во всем оставался дипломатом. Но думаю, что внутренне очень четко и жестко граничил "да" и "нет", свои симпатии и антипатии.

Правда, это мое объяснение Иванова родилось намного позже того штормового дня, когда, пытаясь изгнать из тела и сознания холодок страха, я пел, вцепившись мертвой хваткой в весла...

Гонки сборной команды на Рапотаме были хотя и тренировочными, но азартными и престижными. От программы официальных соревнований отличались они гандикапом, более или менее уравнивающим шансы лидеров и тех, кто послабее.

Два дня - по пять с половиной километров. Объясняя гандикап, всегда представляю себе начало шахматной партии между гроссмейстером и мастером. Первый загодя изымает из своего войска ладью или слона, а то и ферзя, и начинается бой на равных. То же самое и гребной гандикап. Лидеры, в зависимости от класса каждого, получают секундный "плюс" к своему будущему результату. Гандикап бывает гласным, когда временной дефицит участников гонки известен до ее начала. Хотя намного интереснее, если игра

ведется "втемную". Здесь уже не до тактики, идешь на пределе, потому что только тренеры знают, какой "довесок" ожидает тебя на финише.

На Рапотаме мы играли "втемную".

Перед стартом я волновался изрядно. Но потом вспомнил: мне-то что терять? Пусть волнуются те, у кого Олимпиада впереди. На этом сам с собой и договорился.

В первый день еще не успел отдышаться после гонки, как подбегает Паша Ильинский и с заговорщицким видом начинает:

— Ну, Тимошинин, теперь уж точно от гордости пухнуть начнешь, здороваться перестанешь, метром себя почувствуешь.

А мне, честно, не до отгадок, отдохнуть хочется.

— Все сказал? - спрашиваю.

— Постой, - замахал руками Ильинский, - главного не услышал. Ты у Иванова выиграл.

— Брось свистеть, - говорю ему, а у самого то ли с радости, то ли от неожиданности комок к горлу подкатил, перекрыл доступ воздуха. Хочу спросить, какое место занял, не получается. Рот открываю, но звука собственного голоса не слышу, А Ильинский продолжает:

— В общем, ты первый!

— Не может быть, - наконец выдохнул я гласные и согласные, что застряли в горле.

— Точно. Не веришь, что ли? - обиделся Ильинский. - Славке семь секунд "привез" - трамвайную остановку.

После соревнований тренеры меня поздравили и вручили красивую сигаретницу. Иванов тоже позддравил:

— Смотри, молодой, на радости не закури. Отвыкать трудно будет.

На следующий день он на старт не вышел, заболел. А я снова в призы попал. Выиграл Эдик Ждано-вич. Чемпион страны прошлого года. Анатолий Сасс вновь был четвертым. А по сумме двух гонок абсолютным победителем объявили меня. И тут же за мою персону серьезно взялись тренеры сборной.

...Фомич. Анатолий Фомич Сасс. Рассказ о нем займет особое место в моем повествовании. И не только потому, что в 1968 году в звенящем от зноя Мехико мы выиграли золотые медали Олимпийских игр. Точнее, даже совсем не потому.

Решающая гонка всегда миг. Какой бы по тяжести и напряжению ни была и сколько бы ни длилась. Но для меня жизнь в спорте никогда не заключалась в разграничении "сегодня", "завтра", "послезавтра".

Решающая гонка - это пик, это праздник. После нее обрушивается на тебя физическая и нервная опустошенность. Всегда так. Выиграл или проиграл, это доходит до сознания намного позже.

Так вот, во время наших тренировок в двойке парной с Фомичем я иногда испытывал желание на ходу удрать из лодки, чтобы не слышать хриловатый, вечно недовольный и вечно поучающий голос Сасса. Вот какую жизнь устроил мне Анатолий Фомич Сасс в олимпийском году, венчала который финальная гонка на канале Сочимилко.

...Мы с Сассом летим на Олимпиаду в Мексику. Нашему экипажу пятьдесят три года: мне - двадцать, Фомичу - тридцать три. Летим в высокогорье, на 2200 метров над уровнем моря. О том, как продирались сквозь отборочные, завоевывая место в олимпийской сборной, я и не вспоминаю. Забыл не потому, что захотел забыть, а потому, что мне двадцать. Я самый молодой в именитой команде академистов, я на пороге первой и, уверен, не последней своей Олимпиады, и мне хочется жить беззаботно.

Фомич перевел кресло в спальное положение и, вытянув ноги в проход между рядами, делает вид, что спит. Что-то тихо рассказывает стюардессе Вячеслав Иванов. Они смеются. Но глаза у Иванова грустные. Трехкратный победитель олимпийских гонок летит на свою четвертую Олимпиаду запасным. Он балагурит с искрящейся молодостью девушкой в строгой синей форме и... продолжает верить в чудо, надеется на подарок судьбы, которая благоволила к нему все эти двенадцать лет. С той мельбурнской поры, когда никому не известный восемнадцатилетний гребец положил на лопатки всех, кого прочили на верхнюю ступень пьедестала.

Но чуда не произойдет. В Мехико Иванов на старт не выйдет. А жаль. Не думаю, чтобы удушающая жара, разреженный, непривычный даже после сорока пяти дней акклиматизации воздух могли бы сломить его волю и выпарить высочайшей пробы честолюбие, не раз и не два питавшее его силой физической, когда той, казалось, неоткуда было взяться.

Да, ему уже перевалило за тридцать. Да, он числился в ветеранах, а в условиях высокогорья, как считало большинство специалистов, будут побеждать молодые. Да, Иванов в последние несколько сезонов познал столько поражений, сколько никогда не испытывал... И вот все это легло на чашу весов против Иванова.

Хотя второе место, занятое им на предолимпийском первенстве Европы во французском городе Виши, было не продолжением падения, а началом нового взлета Вячеслава Иванова. Но чемпионат Страны он проиграл 24-летнему Виктору Мельникову. Это, по сути дела, все и решило. Тренер Мельникова, Аркадий Николаевич Николаев, в свое время тренировавший и Иванова, головой поручился за олимпийское "золото" своего ученика.

На Олимпиаде Мельников не сумел пробиться в финальную гонку, заняв в одном из полуфиналов четвертое место. Высокогорье сломало его: не приспособился, не выдержал. Тут же поползли разговоры, почему не доверили стартовать Иванову, его богатейший опыт и умение тютелька в тютельку разложить силы на дистанции могли бы... Иванов был в Мехико, все сам видел, и все ждали, что он теперь скажет, как поведет себя.

Он повел себя так, как и подобает трехкратному олимпийскому чемпиону, уважающему себя, спорт и знающему его законы "от" и "до". Остался таким, каким всегда был, - ироничным и не особо разговорчивым.

Западные журналисты пытались подзавести его:

— Жаль, мистер Иванов, что вы не участвовали в соревнованиях. Разве настолько нереальной была бы для вас четвертая золотая медаль?

— Чуть меньше, чем для Мельникова, - с мягкой улыбкой дарил он им ответ.

-А если бы вы стартовали, то на какое место рассчитывали бы?

— На какое хватило бы сил.

— Какие чувства вы испытываете сейчас, когда ваша команда потеряла золотую медаль в виде программы, где выигрывала три Олимпиады подряд?

— Интересно, а что бы вы испытывали на моем месте?

— О! Мистер Иванов, на вашем месте трехкратного олимпийского чемпиона было бы лестно оказаться любому из нас, только... не сегодня. И все-таки?

— Не открою истины, сказав, что спорт есть спорт. Проиграть, тем более на Олимпийских играх, и вдобавок зная, что объективно сильнее многих из тех, кому проиграл, это всегда обидно. Не только для спортсмена, который стартовал, в данном случае - для Мельникова, но и для всей команды. Значит, и для меня тоже. Все личностное, как вы понимаете, решалось до Игр. И неважно, кто выступал - он или я...

Победы и поражения на канале Сочимилко, слезы радости, слезы отчаяния - все это будет потом, через 45 дней. А сейчас на высоте десять тысяч метров, в связывающем континенты воздушном лайнере, Вячеслав Иванов пытается за шуткой отвлечься от своих мыслей. Чутко дремлет Витя Мельников. Недовольно бурчит что-то себе под нос Анатолий Фомич Сасс - главная половина нашего экипажа, составленного по принципу "молодость плюс опыт" и неожиданно для многих слившегося в монолит.

Фомич дома после одной из ударных тренировок спросил меня:

— Значит, твердят вокруг, что мы разные с тобой, что давлЮ тебя, как несмышлениша, и что вообще я черт знает кто?

— Ну и что?

— А вот что: ты, молодой, тем словам хочешь верь, хочешь нет, твое это, личное. Слова - воздух. Дело надо делать. Вот сделаем, тогда и будем судить, кто прав, а кто нет. Но если сейчас в разные стороны лямки потянем, считай, предали мы дело. Вот тебе и все слова...

После этого монолога Сасс еще больше ссутулился и грузно закосолапил к эллингу. Выглядел он в тот момент не на тридцать три, а минимум на сорок с гаком.

Мехико встретил нас праздником. Радость, веселье, песни и танцы ни на секунду не исчезали из олимпийской деревни, ставшей в эти дни столицей спорта.

И все хорошо, если бы не жара, которая при нехватке привычного равнинного воздуха выматывала и действовала на нервы. Вот уж истинно одуреть от нее можно было. Кондиционеры изгоняли духоту из помещений, но она брала реванш на ленивой воде ухоженного канала Сочимилко, построенного к олимпийской регате.

Сорок пять дней жарило всю мексиканское солнце, не зная ни выходных, ни перерывов на обед. Когда становилось неважно, хотелось крикнуть: "Спасибо, светило! Но сыт тобой по горло! Уймись, будь человеком!"

Мексиканцы, сделавшие для праздника Олимпиады все и даже чуточку больше, понимающе смотрели на нас и, кивая в сторону солнца, разводили руками - извините, но ничего уж не попишешь. Легче от этого сочувствия не становилось. Особенно когда опаздывал на автобус, отправлявшийся на канал, до которого девять километров. Машина уходила почти по расписанию, оставляя нерадивых загорать еще на полчаса. Как нереальность, вспоминался прохладный московский октябрь.

...Тренируемся по три раза в день. Проверяем себя в чем только можно. А высокогорье продолжает преподносить сюрпризы: то у одного, то у другого в пух и прах "рассыпается" гребля. Исчезает техника, будто и не было ее, и бег лодки стопорит какая-то неведомая сила.

У нас с Сассом пока, тьфу-тьфу, все в порядке. Правда, с каждым днем приближающийся старт сжимает во мне какую-то пружину. Если совсем недавно Олимпиада представлялась как нечто праздничное и ответственное, но очень далекое, то теперь все чаще не могу выбросить из головы мысль, что очень скоро начнется моя первая олимпийская гонка. Чем закончится она? На щите иль со щитом?

От жары и тренировок отвлекался в интерклубе, когда обменивался значками.

По-английски "чейндж" означает "меняться", "обмен". Чейндж значков - главное хобби участников любой Олимпиады. Коллекции собираются

уникальные. На шапочке или майке иного чудака порой умещалась география земного шара, переливающаяся разноцветней и позвякивающая при каждом шаге.

Сасса значки интересовали постольку-поскольку. Походы в интерклуб он терпел только из-за меня.

— Фомич, - искренне удивлялся я его спокойному восприятию атмосферы Игр, - ты так равнодушен и привычен, словно это для тебя десятая Олимпиада. Мы же не в Костроме или Вологде - в Мексике. Можешь хоть раз удивиться чему-либо?

— Могу, - цедил Сасс сквозь зубы. Вокруг нас пела и плясала дискотека, бликами рвала темноту цветомузыка, метались тени танцующих. - Тебе, например, удивляюсь. Гоняться-то будем не в Костроме, а в Мексике. Ну ладно, давай пляши, а я посижу отдохну. Как пора будет, дам знать...

Иногда я в бешенство приходил от его опеки. Но не сопротивлялся - без толку. Сасс как будто каменной стеной был защищен от моих возмущений. Он считал, что никто другой, кроме него, не отвечает за наш экипаж, за победу и за меня - молодого, горячего, разбросанного, еще небитого-то по-настоящему.

В лодке я безоговорочно признал Фомича лидером. Он принял это как должное и... пошел еще дальше. Все ситуации проигрывал за двоих и решал тоже за двоих. Теперь я понимаю, случись что по моей вине во время гонки, Сасс промолчал бы и все на себя бы взял, мол, он недоглядел, не учел. И вот за считанные дни до наиглавнейшего боя в своей спортивной жизни великий труженик гребли Анатолий Фомич Сасс пытался предусмотреть, предугадать, опередить хотя бы на полшапочка любую случайность и нелепость. Я же, по его мнению, являл собой благодатнейшую гочву для всего "не того". Поэтому и оберегал меня Фомич неустанно. В столовую одного тоже не отпускал.

— Ты, как придешь, сразу жидкость начнешь, в себя литрами вливать. На жаре вмиг ослабнешь.

— Фомич, послушай, - твердил я. - Не могу есть, понимаешь, не хочу, кусок в горло не лезет.

— Глупости. Захочешь - съешь. Разные там анана-сики и соки силы не дадут. Так что бери первое, второе, третье, Как положено. И ешь.

— Не могу, понимаешь, не могу.

— Да что ты, сюда в бирюльки пришел играть! - взрывался Сасс. - Сказано - ешь!

И я, давясь, ел. Первое, второе и третье. И с восхищением наблюдал, как Фомич основательно, по-крестьянски расправлялся с двумя первыми и двумя вторыми блюдами.

По отношению к моим "не хочу" и "не могу" за столом Сасс молодец. Многие ребята на той чудовищной жаре потеряли от трех до пяти килограммов. Мы же с Фомичом - ни грамма. У меня гоночный вес как был девяносто три, так и остался. И у него - восемьдесят восемь - ни убавить, ни прибавить.

А за три дня до старта с Сассом приключилась беда - закололо в правой стороне живота, чуть повыше паха. До того, как он врачам об этом сообщил, два дня еще держался, надеялся, что все обойдется. Но вот Фомича чуть ли не силком уложили в постель, подозревая аппендицит. Это известие меня оглушило. Хорошо, что рядом стул стоял, обмяк на нем, пытаюсь хоть что-то сообразить. На Сасса не смотрю. И он отвернулся к стенке, только желваки по скулам ходят.

Что сказать ему, не знаю. Успокаивать нельзя. После первых же слов презирать меня начнет за это бабье участие. Молчим как на похоронах.

"Вот и кончилась наша двоечка, упорхнуло олимпийское счастье, - думаю. - С кем теперь садиться? С Ивановым? Но не знаю, как он готов. К тому же после Фомича, с которым идеально чувствуем и дополняем друг друга в одной лодке, такого совмещения вряд ли с кем добьешься, тем более за оставшиеся три дня".

— К черту этот аппендицит! - наотмашь рубанул рукою воздух Сасс - Не было у меня его никогда и не будет. Понял, молодой, не будет. Мы сюда выступать приехали, а не под нож с разной чепухой ложиться...

Дальше произошло как в сказке. Оказалось, что зашалила у Фомича печень - съел чего-то жирного. А тут еще жара и тренировки. Сассу прописали таблетки, и через несколько часов он уже собирался на Сочимилко наверстывать упущенное.

Ребята, заговаривая с нами, улыбались:

— Ну, даете, шутники.

Ха-ха, шутники. Им бы наше веселье, посмотрел бы, как выглядели. Но все хорошо, что хорошо кончается. Поэтому говорю Фомичу:

— В честь счастливого избавления от аппендицита и возрождения к жизни вечером по плану дискотека.

— Чего? - переспросил он.

— Танцы до упаду, - довольно неуверенно пошутил я, чувствуя, что сейчас что-то будет.

В ответ Фомич недвусмысленно покрутил пальцем около виска, смачно сплюнул и зашагал прочь, со злостью впечатывая подошвы в землю. Метров

через двадцать обернулся и, для большей убедительности постучав кулаком по лбу, бросил:

— С гулькин нос осталось до гонки, а у него танцы на уме. Детский сад!

— А как же с психологической разрядкой? - крикнул я. Но Фомич и слушать не захотел, ушел.

В интерклуб в этот вечер я так и не попал: Сасс запретил как отрезал:

— В лодке разрядимся. И физически, и психологически...

Хотя и говорил Фомич с первого дня приезда в Мехико о каждодневной "подзарядке", готовы мы с ним были нормально. И задачей-минимум ныне стало не потерять той формы, что набрали.

Где-то за неделю до начала соревнований Евгений Борисович Самсонов, старший тренер сборной, решил устроить нам последнюю прикидку: те самые две тысячи метров, что идем во время официального старта, предстояло пройти в соревновательном темпе, не заботясь о тактике и показывая скорость, близкую к абсолютной. Мы могли позволить себе этот эксперимент, так как приехали на Игры никому не известным экипажем, эдакой "темной лошадкой". Заведомые фавориты нас всерьез не воспринимали, и поэтому парной двойкой из СССР наблюдатели из команд-соперниц особо не интересовались. Следили за лидерами, не выключая секундомеров, анализируя секунды друг друга и догадываясь, кто попал в пик формы, кто нет, от кого что ждать, а значит, и какую тактику применить. Понятно, что лидеры не спешили демонстрировать истинную свою силу, пытаясь ввести соперников в заблуждение. Правда, основные претенденты на "золото", швейцарцы Бюрген и Штудак, не проигравшие за четыре года ни одного старта, наоборот, своеобразной психологической атакой решили еще до старта закрыть вопрос о будущих победителях, демонстрируя себя на тренировках во всем блеске. Вскоре их примеру последовала и очень сильная голландская двойка в составе Ван Диса и Дроода.

И вот с утра пораньше мы вышли на контрольный старт. Самсонов дал рукой отмашку, включил секундомер и, оседлав велосипед, покатил по бровке канала, чтобы финишировать вместе с нами.

Был приличный встречный ветер. С ним себя увереннее чувствуют те, кто потяжелее. Масса помогает накат не терять. Прошли половину пути. Чувствую, что Сасс в темпе прибавляет. Мгновенно "включаюсь". В гребок попадаем с абсолютной синхронностью. Вода без брызг скатывается с лопастей весел - проводка что надо, неукороченная.

И вдруг почувствовал усталость. По спине Фомича вижу, что и ему несладко. Но темп не теряем. Финишировали. Подкатываем к плоту, смотрим на Евгения Борисовича, а тот - мрачнее тучи.

— Сачкуете? - неласково встретил он нас, для наглядности демонстрируя циферблат секундомера. - Себя бережете?

— Сколько? - спросил Фомич.

— Ровно семь минут!

Да, тренеру было от чего разозлиться. На международной регате в Швейцарии, затем на чемпионате страны мы заканчивали гонку почти на минуту быстрее.

Сасс повернулся ко мне. В его взгляде читалось непонимание: прошли дистанцию почти на пределе, а результат "кричал" о прогулочном темпе.

Пока мы пребывали в недоумении, силясь разобраться, почему нет скорости, Самсонов зло развернул велосипед и умчался поближе к старту, чтобы взять на секундомер швейцарскую и голландскую двойки, которые тоже собирались провести прикидку.

Мы посмотрели, как финишировали Бюрген и Штудах. Дождались и Ван Диса с Дроодом.

Сасс, ни слова не говоря, снова полез в лодку. Я было последовал его примеру, как визг велосипедных шин возвестил о прибытии Евгения Борисовича.

— Ребятки, - тихо сказал он, - домой.

— Сколько? - спросил Сасс.

— Семь десять и семь ноль пять, - ответил Самсонов, внимательно изучая нас, будто впервые увидел.

— Евгений Борисович, вот оно, высокогорье-то, - сказал я.

— Домой, домой, все разговоры дома, - повторил

Самсонов.

После шести месяцев общих с Сассом тренировок и гонок я впервые познал истинный смысл моего вида спорта, когда рубилось под корень собственное "я", в муках рождая "мы".

Мы - экипаж двойки парной: Сасс и Тимошинин.

Началось все с двух гонок с гандикапом на Рапота-ме. После этого я попал в ученики не к кому-либо, а к главному тренеру команды Евгению Борисовичу Самсонову, который очень многое дал мне и в технике гребли, и в методике тренировок, и в тактике ведения борьбы.

Отец был доволен, что Соме, как мы его звали за глаза, лично занялся мною. Репутация Самсонова в тренерских кругах была очень высока. Уж если он брался за кого-нибудь, то держал в ежовых рукавицах, не обещая золотые горы за кажущуюся перспективность, а ставя превыше всего честность в общении тренера и ученика. Крут Евгений Борисович был подчас, горяч, но всегда честен. И уважали его по-настоящему.

За шесть месяцев до начала Игр, в конце марта, в Азербайджане, на нашей традиционной базе в Мингечау-ре, мы шли в одиночках контрольные восемь километров. После этого старта и появилась у руководства сборной идея о создании нового экипажа двойки парной, слив мою молодость с опытом Анатолия Сасса.

Сказано - сделано. Тем более что никто ничего не терял. Я в душе был одиночником и остался им на всю жизнь, хотя наиболее значительных успехов добивался в экипаже: Но в академической гребле подобное не редкость. Фомич лучшие свои годы тоже провел в одиночке, пытаюсь переиграть Иванова и раз за разом уступая, казалось, выигранные заезды. Сасс ездил на Игры в Токио запасным. И с трибуны наблюдал, как Иванов в третий раз становится олимпийским чемпионом.

Попасть в Мехико одиночником не имели шанса, далее маломальского, ни он, ни я. Причем это было объективно. Хотя год назад Сасс выиграл на одиночке. Спартакиаду народов СССР. Но ему стукнуло тридцать три, и всерьез его олимпийские претензии никто не воспринимал. Он же гнул свое, доказывая всем и каждому, что по-прежнему силен.

Но показывал великолепные результаты Виктор Мельников, уже не просто подпирая Вячеслава Иванова, а выбивая почву у него из-под ног. Вопрос о том, кто пойдет олимпийскую гонку на одиночке, решался между ними. Об этом знали все.

Была в сборной и двойка парная из ЦСК. ВМФ, к которой тренеры относились с особым вниманием, понимая, что с ней, экипажем Тюрин - Жданович, вряд ли кто сможет конкурировать в борьбе за поездку на Олимпиаду. Хотя существовало здесь немаловажное "но": в шестьдесят седьмом, на первенстве Европы, они остались четвертыми. Выиграли тогда Бюрген и Штудах, молодые сухощавые швейцарцы, каждый ростом почти под два метра и с прекрасной по технике греблей.

Жесткий спарринг нашим лидерам нужен был как кислород. Об этом опять же знали все и ломали над проблемой головы, прикидывая один вариант за другим, пока не предложили сесть в одну лодку даровитому, опытному, но неудачливому и молодому, подающему надежды, но пока ничего собой не представляющему.

Сассу сразу отвели место загребного. И случилось чудо: на первой же тренировке наша лодка, что называется, пошла. После, на берегу, Фомич недоуменно помотал головой, мол, надо же, чего в жизни не бывает, и сделал заключение, будто роспись поставил:

— Да, Тимошинин попадает.

"Попадать" - великое понятие из гребного сленга. Означает оно превращение экипажа, независимо от количества человек в нем, в единое целое, обретя общее сердце, общий мозг, который посылает сигналы, одновременные для всех. И в тот же миг многорукая мускульная сила рассчитанным до миллиметра движением вонзает лопасти весел в воду, заканчивает их проводку, вскидывает над водой и вновь с машинным постоянством повторяет безошибочный гребок...

— Тимошинин попадает, - для большей убедительности повторил Анатолий Фомич Сасс и, оглядев меня с ног до головы, добавил: - Будем пробоваться.

Но гребля под началом Сасса в одночасье мне поперек горла стала. Я вообще-то человек самолюбивый, а тут, когда Фомича наслушался, чуть было не поверил, что грести нисколько не умею.

Хотя... что там говорить, в двойке на самом деле работать не умел.

"Ну, погоди, - мысленно обратился я к Сассу, - костями лягу, но "шуточки" свои ты скоро забудешь".

И мы начали работать.

Готовились к чемпионату страны. Победители завоевывали право стать первыми номерами олимпийской сборной. Чемпионат считался последним этапом отбора, а пока предстояли регаты, состав участников которых был сродни мировым и европейским первенствам.

Вдобавок были Тюрин и Жданович. Точнее, мы были вдобавок. И Фомич без усталости терзал нагрузками себя и меня, чтобы стать на первых порах хотя бы вровень с ними.

Когда тренировались на одиночках, я выигрывал у Сасса. Каждая такая проба сил превращалась для него в испытание. Фомич мрачнел, но ничего сказать не мог. Все было просто и ясно, как дважды два: встали на старт, приплыли, сравнили результаты. Видя его переживания, Самсонов старался свести до минимума наши поединки на тренировках. Но Фомич с постоянством, отличающим суть его вечно бойцовского характера, искал любую возможность, чтобы доказать себе, не мне, нет, именно себе, что гребец Сасс и один на один кого угодно обгонит.

У меня как-то мелькнула мысль (уж очень Фомич меня тогда допек): а что, если нарочно уступить ему, незаметно и классически сыграть в поддавки... И не смог...

Евгений Борисович Самсонов после Олимпиады сказал на пресс-конференции:

— Тренерам не пришлось подлаживать технику Ти-мошинина под технику Сасса. Но случись такое, пожалуй, не было бы этой двойки. А так, внешне по технике различные, они совпали в главном - в чувствовании гребка. Ни разу за время предолимпийских сборов у них не испортился ход лодки. Ну а внутренние вопросы спортсмены обязаны были решать между собой. Но, - Самсонов выдержал паузу, - знаю, что найти общий язык с Анатолием Сассом Тимошину было нелегко...

Через полтора месяца нам предстояло участвовать в традиционной московской международной регате. Первые наши смотрины. Фомич нервничал страшно. Ведь речь шла о его гребном возрождении. Проиграем, меня никто не вспомнит, скажут: Сасс проиграл. Но даже третье место могло означать победу, прежде всего для нас самих.. Только бы почувствовать, что чуть позже сможем дать настоящий бой Тюрину и Ждановичу. О большем пока и не задумывались: поживем - увидим, но решили показать себя.

Сасс аж звенел от напряжения. Его одноклассники-ребята, видя такое состояние, добродушно посмеивались.

Сасс в ответ обрезал разговор короткой энергичной фразой и шел отводить душу на мне. Когда придаться к тому, что делаю, было невозможно, то он переключался на наш допотопный "симсон", тяжеленную английскую лодку, всю в заплатах и возрастом постарше, чем мы с Анатолием Фомичом. С качественным инвентарем было туговато, тем более с таким дефицитным, как многоместные лодки, которые были привилегией первых номеров сборной. "Погонщики" лидеров вроде нас должны были доказывать обоснованность своих претензий на лодках далеко не идеальных, хотя в этом, наверное, был определенный смысл и логика. Сборная испытывала нужду именно в беспорных первых номерах. К тому же не было смысла ставить под сомнение лидерство проверенных труднейшими соревнованиями гребцов только потому, что на каком-то этапе подготовки их достал свежее-выпеченный экипаж.

Но все же, когда я видел лодку, привезенную в Москву чемпионами Европы Бюргеном и Штудахом, или "ласточку" Тюрина и Ждановича, хотелось пнуть наше корыто посильнее, чтобы развалилось на части, которые нельзя было бы склеить. Фомич, по-моему, испытывал то же самое. И мы... заботились о "симсоне", как о любимом дитяте, пылинки если только не сдували.

В том, что двойка парная в составе Тюрина и Ждановича поедет на Олимпиаду, сомнений практически не возникало ни у спортсменов, ни у тренеров. Этот класс считался среди наших гребцов "олимпийски бесперспективным", и они искали возможность завоевать путевку в Мексику где угодно, но только не здесь.

— Молодой, готовимся к чемпионату страны, - однажды напомнил Фомич. На разговор об Играх Сассом был наложен строгий запрет. Думай сколько душе угодно, а рот держи на замке. - На Большой московской регате проверяемся. Понял?

В финал вышли без особых осложнений. Проиграли различные тактические варианты. Фомич остановился на "теновом" - первые две трети пути вперед не рвемся (он, естественно, не знал еще, что от меня можно ожидать, если сразу в лидеры выскочим), а финиш начинаем метров за триста.

Швейцарцев и лодку Тюрина и Ждановича мы больше чем на корпус не отпускали. Они рубились между собой, а Сасс, задавая "симсону" накатистую крейсерскую скорость, ждал мгновения броситься в атаку. И вдруг в последний момент, выпустив из-под контроля Бюргена и Штудаха, Олег и Эдик переключили внимание на нас. Поражение от лучшей двойки мира им могли бы еще как-то простить, но только это.

— Пошли! - крикнул Фомич, и шатунами заходили по его спине сглаженные тканью майки мускулы.

Мерно поскрипывали уключины. Мы тащили "сим-сона" без рывков, все быстрее и быстрее разгоняя тяжелую лодку. Пот заливал глаза. Сердце ухало. Мне было тяжело, но я упивался растущей скоростью и наслаждался мощным ходом нашей старушки.

"Куда же вы, ребята, подождите, все равно не уйдете!" - вертелось в моей голове.

Я не верил, что мы не будем первыми.

Но достать швейцарцев и Тюрина со Ждановичем так и не смогли. На три десятых секунды раньше просунулся в финишный створ нос лодки Бюргена и Штудаха, чуть уступили им и наши лидеры, которых мы должны были "раззадорить". Когда понял, что лишь - третьи, стало ужасно обидно. Но, заметив, что Тюрин и Ждано-вич, отходя от гонки, дышат как паровозы, вновь почему-то развеселился.

— Жаль, - выдохнул Фомич, смачивая водой затылок.

— Кого жаль? - переспросил я.

— Всего жаль, а не кого, - оборотил он ко мне распаренное, в белесых разводах выступившей соли лицо. - Но три десятых - это не преимущество...

Через несколько дней после регаты у Сасса состоялся разговор с Самсоновым. Не знаю, о чем они беседовали, но после, когда Фомич увидел меня, то по-мальчишески подмигнул, что с его повседневным недовольством ну никак не вязалось, и, снова став строгим, сказал:

— Помни, молодой, готовимся к чемпионату страны. - И зашагал, насвистывая какой-то мотивчик.

Итак, на нас обратили пристальное внимание. Эксперимент начинал давать зримые плоды, и мы поехали на регаты в Германскую Демократическую Республику, в Грюнау, а затем и в Швейцарию, в Люцерн.

В Грюнау в течение двух дней дважды были вторыми. В первой гонке уступили болгарам, азартным Же-леву и Вылчеву, а во второй - именитым голландцам ван Дису и Дрооду. Но незанятые места и властная сила гоночной борьбы запомнились мне в Грюнау. Мы упирались, не щадили себя, выдали для победы все, что могли тогда, но этого оказалось мало. Спорт есть спорт, и побеждает сильнейший. Мы стали вторыми, но ходко шла наша новая английская лодка, и мы чувствовали себя в ней не временными пассажирами. И видно, не случайно Сасс сказал:

— Слушай, Сань, в Швейцарии можем прилично выступить...

Люцернскую регату на озере Ротзее в Швейцарии издавна называют неофициальным чемпионатом мира.

Она настолько хорошо вписывается в программу подготовки к наиболее ответственным стартам сезона, что собирает почти всех сильнейших. И еще едут гребцы сюда, конечно же, из-за престижа. Выиграть "Люцерн" все равно что получить сезонный билет в гребную элиту. Правда, в олимпийский год участие на соревнованиях в Люцерне многими экипажами превращается в игру в кошки-мышки. Задача сложная: надо свои козыри до поры до времени не раскрыть и соперника вызвать на откровение, чтобы увидеть, насколько он хорош. Но, несмотря на эти профессиональные хитрости, люцернский турнир всегда остается почитаемой регатой.

Я говорил, что олимпийский год - год далеко идущих планов. И на сей раз в Люцерне не вышли на старт ван Дис и Дроод и Бюрген со Штудахом.

А что было нам терять? Скрывать козыри или заботиться о несуществующем престиже? Тем более что Самсонов сказал, что на регате будет первый этап отбора в олимпийскую команду между нами и экипажем Тюрин - Жданович.

Долго мы ждали этой минуты, верили, что обязательно придет "борьба на равных", и дождались. Но не знали, что разговор о первом этапе отбора предназначался больше для чемпионов страны, чтобы разжечь их самолюбие, увидеть ход их лодки, отвечающей силе к мастерству талантливых гребцов.

Жаль, что Фомич этот психологический вариант не просчитал. А то были бы еще злее и заряженнее. Впрочем, и без дополнительной информации мы находились в полном порядке. Но... вмешались в нашу жизнь обстоятельства непредсказуемые.

В Люцерне на одной из тренировок только отошли от плота, как вдруг я заметил восьмерку, летящую наперерез. Кричать бесполезно - секунды остались до столкновения. Воткнул весла в воду чуть ли не вертикально, затабил так резко, что Фомича бросило мне на ноги, у самого же что-то хрустнуло в левом предплечье. Боль пронзила руку, наверное, сразу, но я

почувствовал ее после того, как восьмерка хищной тенью, обдав нас ветерком, проскользнула в миллиметре от носа лодки.

Фомич, на моих глазах, впервые кувырнувшийся в лодке и онемевший от неожиданности, суетливо устраивался обратно на свой номер, не выпуская из рук весел, лопасти которых беспомощно шлепали по воде. Если бы не резкая боль в руке, я рассмеялся бы. На самом деле смешно: аккуратист Сасс в позе новичка на глазах у сильнейших гребцов мира. Есть на что посмотреть.

Сасс наконец обрел достойное положение, вдарил веслами по глади озера и, проводив долгим взглядом ускользящую восьмерку, не глядя на меня, срывающимся шепотом спросил:

— Глаза на берегу оставил? - И добавил кое-что из предназначающегося сугубо мне, и никому больше.

Фомич был прав. Я должен был заметить восьмерку вовремя, моя это обязанность, первого номера.

От сознания вины боль в руке не прекратилась. Но сказать о ней Сассу я не мог. Нас ждали гонки.

И мы пошли на тренировку. Когда намахался веслами и усталость свое взяла, боль как бы затаилась, А наутро в день полуфиналов левая рука не поднималась. Я убежал в ванную комнату и там, демонстрируя зеркалу гримасы, тащил и тащил ее вверх, помогая правой и слушая противное похрустывание в плече. Кое-как перетерпел заезд. Улыбнулся Фомичу и натолкнулся на его изучающий взгляд.

— Тимошинин, Александр Иванович, - представился, безмятежно улыбаясь.

— Давай, давай, клоунадствуй, - ответил Сасс и с облегчением вздохнул. Он почувствовал что-то не то, но, видно, не настолько, чтобы всерьез насторожиться.

Назавтра предстоял финал. Утром хотел было подойти к доктору и попросить хлорэтилом заморозить плечо, но подумал, что осталось перетерпеть всего лишь две тысячи метров, так стоит ли поднимать разговор, который до Сасса дойдет, до Самсонова и уж точно - до Тюрина и Ждановича.

Мы стартовали по четвертой воде. После тысячи пятисот метров вырвались вперед на пять секунд, и Фомич начал выходить на темп финишного рывка, когда у меня перед глазами разверзлась тьма. Левую руку я уже до этого не чувствовал метров сто. Знал лишь, что рукоятка весла по-прежнему сжата ладонью и что разжать ее не имею права.

— Не спи! - крикнул Фомич.

Услышав его голос, перестал "скользить" в темноту и, смутно воспринимая, что делаю, постарался попасть с ним в такт.

Мы начали заруливаться влево. Сасс пахал как одержимый. Я же работал веслом, как мы говорим, на автопилоте, машинально реализуя вбитый тренировками навык. Травмированное плечо и рука теперь горели адским пламенем. Я боялся одного - вдруг снова все пропадет перед глазами.

После финишного гонга как сидел, так и застыл гипсовым изваянием.

— Приплыли, - сказал Сасс.

Я слышал его голос, понимал, что гонка закончилась, но все мускулы были скованы внезапным параличом. Ни говорить, ни двинуться не мог.

— Что с тобой, Саня? Что случилось?

— Потом, Фомич, после... Какие мы?

Мы были первыми на финише, все-таки умудрившись привезти болгарской двойке одну секунду преимущества. Судьи долго совещались, не называя победителей финального заезда. Им было что обсудить: наша лодка начала дистанцию по четвертой воде, а закончила по первой. Благо, выполняя незапланированную дугу, мы никому не помешали. Наконец на демонстрационном табло выше всех выставили зеленую табличку. По традиции Люцернской регаты лодки идут не под номерами, а каждая под своим цветом, который соответствует воде-дорожке, доставшейся по жребью. Четвертая вода именовалась "зеленой". Так что судейское разбирательство завершилось в нашу пользу.

...Поединок у Тюрина и Ждановича мы выиграли. Но до окончательного решения вопроса было еще далеко. Тем более что на регате в Грюнау Жданович заболел, а через месяц на Ротзее двойка ЦСК ВМФ только-только начала "разгоняться" и финишировала третьей. Однако эту победу мы не рассматривали как подарок судьбы. В спорте есть неписаное правило: вышел на старт - все оправдания остались на берегу. Мы с Фомичом, конечно же, понимали, что на чемпионате страны Олег и Эдуард и в настроении другом будут, и форму подтянут, но тем не менее чуть-чуть своего психологического преимущества лидеры в Люцерне лишились. И ради этого мы уж постарались как могли...

А вот победе радоваться сил не осталось. Фомич помог выкарабкаться на наградной плот, и началось:

— В последний раз спрашиваю, что случилось?

Я хочу ему ответить, но физически этого сделать не могу: начал оттаивать от нервного заледенения, и снова все закружилось и поехало перед глазами. Стою и, как недоумок, улыбаюсь.

— Ну?

— Фомич, - говорю, - давай наградимся, только так, чтобы не упасть. Ты поэтому меня поддерживай, а потом и разберемся, что к чему.

После награждения я немножко посидел на свежем воздухе, отдышался и рассказал Сассу, что, когда на тренировке чуть не поцеловались с восьмеркой, хрустнуло в левой руке, в предплечье, и до сих пор это что-то болит.

После моего признания Сасс минут десять говорил, не умолкая ни на секунду. Выражения Фомич не подбирал, о красоте их не заботился. Но эпитеты и сравнения нашел столь доходчивые, что возразить против них было трудно.

Потом подошла наш врач Татьяна Михайловна Селиванова. Сасс умолк, но глаза его продолжали говорить. Селиванова спросила меня:

— Почему сразу не сказал?

Но о чем я мог сказать? Стартовать надо было.

— И откуда ты такой взялся на мою голову? - Сасс воздел руки к небу и вдруг, как-то сразу обмякнув, с горечью произнес: - Эх, сказал бы я тебе...

"Во артист, - подумал я. - Значит, то, что до этого было, в расчет не брать?"

Рентген показал, что серьезно травмированы мышцы предплечья левой руки. На пару недель я стал одноруким напарником Фомича. Но поблажек по инвалидности мне не было.

Прошло довольно много времени, и Самсонов под большим секретом передал мне, чем же завершился тот день.

— Буду гоняться с этим молодым, и только с ним. Это железный номер, - вот что, оказывается, сказал Фомич.

Все-таки это не передаваемое словами чувство, когда в тебя кто-то по-настоящему верит. Без разных скидок и отступлений верит, как самому себе.

Мы называем себя гонщиками. Можно всю жизнь в душе почитать себя за гонщика, однако никогда им не быть. Гонщиком становишься в тот миг, когда заставишь пройти себя, казалось бы, через невозможное, то есть окажешься за гранью реальной оценки своих сил и возможностей; и поступком твоим будет руководить не трезвый расчет, а истинное твое "я", обнаженное, как первопричина. Ты и не осознаешь этого. Просто будешь делать дело, насколько сил хватит. И вот что неоднократно замечал на примере своих друзей-гонщиков, что называется, от рождения. Сила духа была у них неисчерпаема и возвышалась над физической силой, которая всегда и у всех подвластна исчислению.

Иногда слышишь: прошел дистанцию "на зубах". В этом, кстати, тоже определение гонщицкого "я". Да, есть в гонке тактика и стратегия. Но сплошь и рядом случается, когда начинаешь дистанцию явно выше расчетных своих возможностей. И сам себе не в состоянии ответить на вопрос, дойдешь до финиша или нет. И в то же время нет ни тени сомнения ни в себе, ни в своей победе. Кто не рискует, тот шампанское победы не пьет.

"Риск - благородное дело". Фраза, потертая от частого употребления, но для меня свежести своей не потерявшая. Природа не может обделить тебя талантом, но воспрепятствовать стать тебе гонщиком ни она, ни кто другой не в состоянии. А станешь им, лишь победив себя. В спортивной судьбе многих моих друзей не было олимпийских пьедесталов.. Но они, пусть и названные неудачниками, все до единого из когорты победителей...

К чемпионату страны, на котором решался вопрос, кому ехать в Мексику, мы довели дистанционный ход лодки до 33-34 гребков в минуту.

Накануне финала волновал только один вопрос: какую избрать тактику в решающей гонке? Сильный дистанционный ход подсказывал вариант "пресса": 1200 метров равномерно дожимаем противника, не ввязываясь ни в какие авантюры, и делаем первое ускорение. Ну а дальше - по ситуации.

Прошли первый километр. Нос лодки проигрываем. Работаем спокойно, без дерганий. Еще двести метров позади, а мы с тем же ходом уже выигрываем три четверти корпуса. Чувствую, что Фомич начинает потихоньку прибавлять, как и договаривались. Жду, когда же

бросятся в атаку Тюрин и Жданович. Но атаки нет. И вот тогда поверил, что выиграли. На финише мы имели преимущество в шесть с половиной секунд.

Итак, путь на Олимпиаду в Мехико открыт, все препятствия преодолены, и мы спокойны.

Последние тренировки перед мексиканским высокогорьем сборная провела в Болгарии, на высокогорном озере, поднявшемся над уровнем моря на 1500 метров.

Ходим в одиночках. В академической гребле есть правило: кто сильно едет на скифе, тот и в двойке бу-дет хорош. Другое дело, что два неплохих одиночника могут создать просто добротный экипаж, а могут и на-столько совпасть, что лодка будто мотор приобретет.

Рядом с нами и тоже в одиночках тренировались Эдуард Жданович и Вячеслав Иванов. Следил за их подготовкой легендарный гребец Юрий Тюкалов, наш первый олимпийский чемпион в одиночке. В год дебюта сборной команды Советского Союза на Олимпиаде, в Хельсинки, в 1952 году, он выиграл "золото". Когда Иванов стал чемпионом олимпийской регаты в Мель-бурне, Тюкалов там же завоевал золотую награду в двойке парной с Александром Беркутовым. А сейчас он, тренер сборной, опекал своего преемника и Эдика Ждановича.

Я на их тренировки особого внимания не обращал. Иванов, проиграв чемпионат страны Мельникову и вче-рашнему юниору Коле Баленкову, все равно ехал в Мексику запасным - на тот случай, если в последнее мгновение вдруг понадобится его опыт. Ведь за полтора месяца до старта мы туда вылетели. И кто мог сказать, какие кроссворды подбросит высокогорье. Ну а Жданович... мало ли какие мысли роились в тренерских головах?

Мы с Сассом свое дело сделали? Сделали. Чемпионами стали? Стали. Но мудрый Фомич тем не менее был далеко не спокоен.

— Саня, - сказал он однажды, - чую, что неспроста Славка и Эдик ходят гусаками друг за дружкой, а Тюкалов глаз с них не спускает. Славка вдобавок чересчур внимательным к нам стал. Видать, опять что-то придумал...

— Что придумать-то можно? - спросил я. - Их поезд-то ушел.

Фомич посмотрел на меня, и под его взглядом я вновь почувствовал себя как-то неуютно.

Чутье Сасса не обмануло. Как не обманывало никогда, если будущее его хотя бы краешком касалось Иванова. И ныне, когда кандидат педагогических наук Анатолий Сасс и военный моряк Вячеслав Иванов участвуют в заездах ветеранов отечественной гребли, то вокруг них и группируются экипажи четверок или восьмерок, чтобы вступить в борьбу, эмоциональность которой не утрачивается с годами.

Будучи уверенными, что билеты в Мехико лежат у нас в кармане, мы не знали, что на тренерских советах вновь и вновь поднимался вопрос о двойках парных. Самсонов после этих заседаний молчал, чтобы попусту нас не нервировать. За наше "золото" на канале Сочи-милко никто поручиться не решался. Все-таки в сознании тренеров мы так и остались "скороспелками", хотя ниже второго места на Олимпиаде нам не отводилось. Но ветеран мог не выдюжить высокогорья, а молодой просто-напросто перегореть.

Тренерские же надежды в классе двоек парных сводились к олимпийскому "золоту". И вот тогда было решено устроить Сассу и мне последнюю проверку боем. Экзаменаторами выбрали Иванова и Ждановича, в которых многоопытный Тюкалов видел олимпийских чемпионов.

Фомич информацию о предстоящем отборе выслушал с таким видом, словно ему пересказали меню обеда, которое он знал еще вчера. Я было открыл рот, чтобы высказать Самсонову все, что думаю по этому поводу, как Сасс ощутимо двинул меня локтем в бок.

Когда остались одни, он сказал:

— Что я тебе втолковывал? Славка зря работать не будет. Теперь вот и решим - едем на Олимпиаду или нет.

Фомич так оттенил это невыносимое для него "нет", что я понял, на Игры мы не попадем только в одном случае - умерев в лодке во время завтрашнего заезда.

— Давай теперь спокойно подумаем, где их прихватим. - Сасс расслабился в кресле и закрыл глаза, мысленно прокручивая сюжет еще не состоявшейся гонки. - Думаю, оставить вариант, который на "Союзе" опробовали, - нарушил он молчание. - Славка старт не проиграет и будет ждать, что мы за ним в погоню бросимся, задержаемся, сломаемся. Так что пусть первую тысьонку порадуются в лидерах, а затем - бог не выдаст, свинья не съест, - заключил Фомич. - Но учти, насколько они поначалу ни уедут, не суетиться.

Для Сасса завтрашняя гонка на самом деле становилась "всем" в его спортивной карьере. Если сравнить по числу загубленных нервных клеток это предстартовое ожидание и ожидание финального заезда на Играх, то счет наверняка был бы в пользу первого. Что подделаешь - случается в спорте подобное. Хотя кто знает, к лучшему это приводит или к худшему. Одни становятся булатом, а другие - пережженным железом, хрупким и ломким.

Состояние Фомича в тот вечер мне довелось пережить в семьдесят шестом, накануне Игр в Монреале. В паре с Юрой Малышевым выиграл два отбора, и вдруг незадолго до отъезда нам говорят, что будет третий, решающий. А мы нагрузки сбросили, чтоб в Монреале снова выскочить на пик формы. Но все наши расчеты и надежды превратили в дым Женя Барбаков и Гена Коршиков. Они в тот момент достигли своего пика, а спад их как раз и пришелся на олимпийские дни - остались без медалей. Понятное дело, что после драки размахивать руками и сотрясать воздух проще всего. Но голову даю на отсечение, за чертой призеров мы не были бы в Монреале...

Утро решающего дня запомнилось мне похожим на цветастый ковер. Я воспринимал окружающий меня мир настолько остро и громогласно, что Сасс удивленно спросил:

— Ты что, не выспался?

— Фомич, - ответил я, - шут с ней, с гонкой, наше от нас никуда не денется, а вот красота сентябрьская закончится вместе с осенью, и когда мы опять сюда попадем, никто ж этого не знает.

— Проверь лучше-ка банки и уключины, красота, - перешел на тон приказа Сасс.

Я понимал, что он хочет вернуть меня в предгоночное состояние. И немного обижало, что Сасс, выражаясь языком молодых, меня "не догоняет": я давным-давно "был" в предстоящей гонке.

Но так легко и беззаботно, как в то утро, я уже никогда не чувствовал себя в день решающих соревнований.

— Фомич, - сказал я, - а ведь за нас остальные ребята болеть будут.

— За кого ж еще, - буркнул он в ответ. - Не вчера родились. Понимают...

Самсонов сгорбился в тренерско-судейском катере, засунув руки в карманы брюк. Накануне они переговорили с Сассом о тактическом плане предстоящего заезда. Соме не стал вмешиваться. Да и зачем - то, что гонка значила для Фомича, она не значила ни для кого из нас, и ошибиться он в ней просто не мог.

Позади первые пятьсот метров. Мы проигрываем почти два корпуса лодки. Я знаю, что дергаться противопоказано, но на душе начинают поскребывать черные кошки.

Фомич ведет экипаж уверенным, накатистым ходом. И постепенно тает преимущество соперников.

На тысяче двести сравниваемся. Еще через сто чуть выдвигаемся вперед, и тут Сасс себе позволяет вольность, которую ни разу не пробовал в гонках против Иванова. Он оборачивается ко мне и громко, чтобы все слышали, чуть ли не по слогам произносит:

— Ну что, Саня, поехали?

В том, как он это сказал, звучало безмерное счастье - счастье победы. Еще через двести метров мы оторвались от Иванова и Ждановича на два корпуса. Тут Иванов обернулся, стрельнул вслед нам взглядом и... перестал выкладываться.

Сказать, что эта победа открыла Сассу и мне прямую дорогу в Мехико, все равно что сказать только половину. Наконец-то Фомич не просто выиграл, а не оставил никаких шансов на победу главнейшему в своей жизни сопернику. Уж если по большому счету, то не я, и Эдик Жданович присутствовали в гонке в роли статистов. Согласен, необходимых, но именно, статистов.

Для Фомича вся его спортивная жизнь была дуэлью с Ивановым. И надо было родиться Сассом, чтобы после очередной неудачи приходиться на тренировку и садиться в лодку. Случалось, он побеждал Иванова. Но стать вторым Ивановым ни ему, ни кому-либо другому суждено не было. Поэтому и каждая победа Сасса воспринималась как случайное поражение именитого соперника.

А тут, в решающей гонке, он не просто победил Иванова, а переиграл того, смял, заставил выбросить белый флаг. И пусть гонялись они в двойках, но это был их личный поединок, один на один, при секундантах и свидетелях.

Только через много лет, став взрослым и опытным, испытав хлесткие удары спортивной судьбы, я понял, насколько же сильным человеком был Фомич в пронесенном через годы гонщиц-ком неистовстве. Сильным всю свою спортивную жизнь, которой, поверьте мне, завидовать не стоит - уж чересчур

тяжела была, и не обманет в этом даже золотой олеск олимпийской медали. Пока Фомич с довольным видом неторопливо выслушивал поздравления, к нему подошел Иванов. Обнял за плечи и замер - глаза в глаза.

— Что прилип-то? - заволновался Сасс, попытался сбросить его руки. Все вокруг замерли, ожидая какой-то ивановской шутки, скрадывающей горечь поражения. Но услышали совсем другое:

— Поздравляю, старый, - сказал Иванов. - Сегодня устроил баньку по высшему разряду. - Кивнул в мою сторону: - И молодого в форме держишь, чувствуется работка...

Глава 2.

Мехико. Канал Сочимилко. Приливы и Отливы

Вот что никогда не любил - так это смотреть спорт на экране телевизора. Теряется внутренний контакт с происходящим на хоккейной или волейбольной площадке, на футбольном поле. С трибуны - еще куда ни шло. Но за греблей даже с трибуны наблюдать спокойно не могу. Тут же мысленно в какую-нибудь лодку садился, занимал место того, кто, на мой трибуновый взгляд, портачил, и, теряя нервные клетки, злился, что... ничем не могу помочь.

Зато Фомич четко держал себя "за кадром". С ним смотреть звезды все равно что слушать разбор домашнего задания: эта ошибка от того-то и того-то, истоки другой следует искать в том-то и том-то.

После первого своего старта на Олимпиаде мы сразу же попали в полуфинал, минуя утешительный заезд. Во время "утешения" уселись на трибунах, вычисляя сильные и слабые стороны будущих соперников.

А перед нами разыгрывались трагедии. Потому что по-другому не могу назвать повторяющуюся раз за разом картину, когда здоровенные мужики вроде нас с Сассом, ростом под два метра и весом под сто килограммов, падали без чувств на дно лодки еще до финиша, а если везло, то сразу же после гонга. Жара в тридцать пять градусов и высокогорье провели естественный отбор, не оставляя ни малейшего шанса заведомо слабым и подстерегая сильных, если позволяли они себе хотя бы малейшую небрежность. Тридцати шести гребцам потребовалась срочная медицинская помощь во время Игр. Эта цифра вряд ли будет побита . со следующего олимпийского старта на высокогорье. Еще до начала Олимпиады в Мехико медики предупреждали о возможном аэробном голодании. Особенно в легкой атлетике, гребле, велогонках на шоссе и в спорт-играх, требующих концентрации физических усилий, на протяжении довольно длительного времени. Но то, что увидели с трибуны мы с Сассом, избавленные на день от участия в соревновательном пекле, потрясло, И тогда Сасс сказал мне фразу, которую можно взять в эпиграф поэмы о нашей финальной гонке: - Сась, умрем, но выиграем!

Но "умереть" было намного легче, нежели выиграть. В предварительном заезде это испытали знаменитые швейцарские гонщики Бюрген и Штудах - во

всех прогнозах относительно будущих чемпионов они проходили под первыми номерами.

Швейцарцы попали во второй заезд отборочных гонок с экипажами из Болгарии, Голландии и ГДР, которые хотя и были пониже их классом, но роль статистов себе не отводили. К тому же олимпийская регата всегда богата на сюрпризы.

Я этого заезда не видел - мы в следующем стартовали. Самсонов потом рассказал, что швейцарцы, готовые в любую минуту переломить ход гонки, половину дистанции шли четвертыми, отпуская болгар, голландцев и двойку из ГДР все-дальше и дальше. А за километр решили начать финиш. И вдруг их синхронная, мощная гребля начала рассыпаться на составные, которые без единства не более чем просто набор технических навыков. Швейцарцы зачестили, взвинтили темп, а лодка их не едет. И тут они впряглись на полную мощь, вспомнив о своем чемпионском престиже и забыв, что еще есть спасительное "утешение", когда можно будет собраться с мыслями и силами, тактику лишней раз проверить, необходимую здесь, на высокогорье, и спокойно выйти в полуфинал. Их лодка кое-как доковыляла до конца дистанции, после чего Штудах оказался в глубоком обмороке. Его пришлось срочно госпитализировать, а Бюргену подыскивать себе нового партнера. В полуфинал сквозь утешительный заезд они пробились, однако на большее их не хватило.

После предварительных заездов Самсонов занялся сравнительным анализом секунд победителей. Первый, на четыре сотых выйдя из семи минут, выиграли американцы Мейер и Нанн. Второй с абсолютно лучшим результатом - 6.54,16 - болгары Желев и Вылчев. Мы выиграли свой заезд, значащийся в протоколах под номером "три", не особенно следя за скоростью, а со-блюдая тактику, нацеленную лишь на победу. Однако наши семь минут и почти восемь секунд ввергли Евгения Борисовича в мрачное раздумье. Но если видом своим он показывал, что радоваться не с чего, то словами настроение не дублировал - видно, помнил, как не сдержался, когда прикидку проводил.

И только Иванов сказал Сассу:

— Фомич, мой тебе совет, с тактикой не перегни. На вас уже внимание обратили, так что в полуфинале будут отцеплять жестоко.

Фомич в ответ лишь согласно кивнул - мол, готовы и к этому, выдержим.

Тактика у нас была одна - попасть в финал как можно меньшей кровью. А там - умереть, но выиграть.

Полуфинальный заезд Сасс разложил как по нотам.. По три лодки из двух полуфиналов допускались к решающей гонке, поэтому мы не стали из кожи лезть, чтобы достать Шмидта и Бемера из ГДР и Желева с Вылчевым, а спокойно устроились третьими. Кстати, в нашем заезде четвертыми остались швейцарцы - Бюрген и его напарник, заменивший Штудаха.

Из второго полуфинала борьбу за медали продолжили экипажи США, ФРГ и Голландии. И теперь по всем прогнозам "золото" должны были взять голландцы ван Дис и Дроод. Высоко котировались двойки из США и Болгарии, мы же после своей невпечатляющей предварительной езды заведомо отдавались им на съедение.

Весь этот словесный дележ пьедестала накалял и без того нервозную предстартовую атмосферу, и мы, к сожалению, в тот момент не глухие и не слепые, постепенно затягивались в ее бешеный водоворот.

Я делал вид, что мне весело и беззаботно. Но вечером накануне гонки профессор медицины Коробков сказал, что молодому Тимошину, чтобы не перегорел и стал спокойным, необходимо сделать отсасывающий массаж головы. Коробков назвал эту штуку, конечно, по-научному, но суть того, что предстояло сделать знаменитому массажисту нашей хоккейной сборной Георгию Авсеенко, от этого не изменилась. Однако я уже "созрел" и был готов на все, в том числе и на отсасывающий массаж головы.

Результат оказался непредсказуемым: проворочался на кровати всю ночь, но так и не заснул. Считал до тысячи, расслаблял мышцы горла, даже о снотворном подумывал - голова, как чугунок на плите, отзывалась непроходящим гулом. Зато я был занят делом - поиском сна, о гонке и думать забыл.

Утром предстартовый мандраж ни на секунду не давал расслабиться. Сасс, по моему, переживал нечто похожее, о чем свидетельствовали полукруги теней под его глазами.

— Трясешься? - спросил он за завтраком.

— Спокоен как в танке, - ответил я, уткнувшись в тарелку.

— Это плохо, - ответил Фомич, поддерживая разговор. - Должен волноваться.

— Тогда, считай, что волнуюсь.

— Сильно? - опросил он.

— Фомич, - не выдержал я. - "Спокойной ночи, малыши" сочиняешь? Сам-то не лучше моего выглядишь. Давай помолчим. Сядем в лодку, все пройдет. Я себя знаю.

— Спрячь нервы, - сказал Сасс. - Пригодятся еще. А пока давай поговорим.

— О тактике?

— Хотя бы о ней.

— Но ведь все и так ясно: не дергаемся, пасем лидеров, метров за восемьсот включаемся в финишную работу.

— Молодец, знаешь. И что бы там ни было, ничего лишнего. Запомнил?

— Вызубрил, Фомич, вызубрил давным-давно.

— Тогда встаем и на выход. Через десять минут автобус...

Нам выпала шестая, крайняя вода. Рядом с нами двойка из ФРГ, по четвертой - голландцы, за ними - болгары, американцы и экипаж из ГДР. Компания солидная.

Сюда, к стартовым плотам, ветер доносит нетерпеливый гул переполненных трибун.

Ветер встречный. Мельтешащие мелкие волны облизывают носы лодок. Встречный ветер хорош для "тяжеловесов". Мы с Фомичом по гребным меркам как раз из них, так что маленькое везение в активе есть. Правда, по-прежнему немного подташнивает. Мандраж продолжается.

Ван Дне и Дроод, лениво взмахивая веслами, снисходительно посматривают на остальных. Стараются, чтоб обязательно встретиться взглядами. Психологи. Но вряд ли уверены в себе на все сто. Иначе не старались бы свою уверенность так назойливо демонстрировать.

Наконец дождались - приглашают к стартовым плотам. Фомич на секунду отпускает весла и обстоятельно вытирает ладони о майку. Прodelываю то же самое.

Выравниваемся. Судья ловит миг, когда носы шести лучших парных двоек Игр совпадут с лишь ему видимой линией.

— Эд ву прэ, месье? - разносится усиленный мегафоном голос.

"Давно готовы, старт давай", - мысленно кричу в ответ, вперившись в оцепеневшую спину Фомича.

И вдруг порыв ветра заставил дернуться лодку сборной ФРГ. Фальстарт. "Фу-у-у", - выдыхает Фомич. Оборачивается:

— Ну как?

— В норме.

Опять процедура выравнивания, пока как вкопанные не замрем у стартовой черты.

— Эд ву прэ, месье?

— Ну, скорее, милоч! Сколько можно резину тянуть! - шепчу.

— Партэ!

Секунда - и нет волнения, я свеж, и полон сил, и не чувствую ничего, кроме гонки.

После пятисот метров идем шестыми. Сзади нас только судейский катер. Головой по сторонам крутить рано. Пятьсот метров - это легкая закуска. До горячего еще о-го-го сколько.

Фомич как вышел на крейсерский ход, так и не меняет его. Идем плавно и мощно.

После тысячи уже третьи, отчеркивая призовой уступ: на острие - ван Дис и Дроод, посередке - Мей-ер и Нанн.

Очередные пятьсот метров позади. Занимаем уже серебряную позицию. Жду, когда Фомич даст "добро" на финиш.

А он не дает, тянет, будто забыл.

Голландцы держат нас на одном и том же двухкор-пусном расстоянии. Они не первую сотню идут в финишном темпе. Боковым зрением вижу, как мелькают лопасти их весел.

Но мы постепенно сжигаем этот просвет своим дистанционным ходом. Фомич ни на полгребка не меняет темп.

Сто пятьдесят метров до гонга. Мне не хватает воздуха. Мертвеют спина и руки. Слышу нарастающий рев трибун. Он заполняет слух, не оставляя места другим звукам. Вижу, как потихоньку "въезжаем" в корпус голландской лодки. И тут мы с Фомичем, не сговариваясь, из всех оставшихся сил налегаем на весла, остервенело и синхронно подхлестываем воду. По-моему, я даже чуть раньше включился, но Сасс тут же поддержал. Иначе и быть не могло. В нас проснулось второе, третье, десятое дыхание...

Отчетливо помню гонг. На кинограмме видел, как, пройдя финиш, я в победном порыве вскинул руки. Но это было уже неосознанно. Потому что закружилось все перед глазами - люди, небо, вода, Фомич и последнее, что услышал, тихий голос Сасса:

— Саня, давай к плоту.

На автопилоте мы подгребли к долгожданной суше и только коснулись ее веслами, как тут же отключились.

Не помню, как нас вытащили из лодки, как несли в эллинг и какие слова говорили. Двадцать минут жиз-

ни, пока не привели в чувство, провел в глубочайшем забытьи.

Очнулся от терпкого запаха нашатыря. И первое, что увидел: руку врача с пузырьком нашатырного спирта перед моим носом. Попытался вскочить на ноги, но они не держали. Пришлось остаться в сидячем положении, хотя не покидала мысль, что надо куда-то бежать и что-то делать.

Но тут вспомнил, что гонка-то закончилась. Спросил:

— Какие мы?

Честное слово, не помнил, кто выиграл, кто проиграл.

— Первые, чемпионы, - услышал в ответ.

Я тогда еще не поверил. Зато первый раз в жизни разрыдался. Не просто заплакал тихо и беззвучно, а содрогался от рыданий всем телом.

Фомич тихо сидел рядом и мягко улыбался.

Тут подбегает медсестра из допинговой комиссии и протягивает мне матовый целлофановый пакет, в котором два шарика, черный и белый. Если вытащу черный, мне идти на допинг-контроль, белый - значит Фомичу. Достāju черный. Поднимаюсь и, обретая с каждым шагом уверенность, отправляюсь вслед за ней.

В комнате, куда меня доставили, встретил Мейера из американской двойки и Дроода, загребного голландцев. Дроод, увидев меня, непонимающе оглядел с ног до головы, затем, все еще не веря, что я один из тех русских, кто на самом финише лишил его и ван Диса золотых медалей, подошел, дотронулся до плеча, и вдруг по его щекам и подбородку заструились слезы. Не утирая их, он похлопал меня по плечу и вышел из комнаты.

Когда нас вызвали на олимпийский пьедестал, я еще не понимал, что значит выиграть Игры. Просто мы с Фомичом сделали свое дело, хорошо сделали, даже отлично. Когда надели мне на голову черное в золотом орнаменте мексиканское сомбреро - отличительно-уважительный знак всех победителей Олимпиады в Мехико, - мне хотелось вскочить на мустанга и тут же, перед аплодирующими трибунами, немножко погарцевать. Когда вечером на сборе команды мне вручили значок заслуженного мастера спорта, я чуть было не прыгал до потолка и, недолго думая, привинтил его к тренировочному костюму.

Я готов был спать в сомбреро и с медалью на груди, но, видя, как Фомич аккуратно уложил то и другое в чемодан, немного остепенился и последовал его примеру.

В Мехико на мое имя пришла масса телеграмм. Поздравляли отец, мама, сестры, ребята из школы, которую закончил всего два года назад.

Наконец-то я увидел Олимпиаду во всем ее цветенье, и в моих походах по дискотекам и интерклубам наконец-то перестал маячить за спиной вечно не разрешающий чего-либо Сасс. Мы сделали дело, и он отпустил меня на все четыре стороны.

Теперь я уверен вот в чем: в шестьдесят восьмом мне и не дано было познать всю полновесность олимпийской победы. Я пришел к ней по прямой, что-то испытал, но не пережив даже половины того, через что, к примеру, прошел Сасс. Не знал я гнетущих сомнений, ни разу мне не пришлось возрождаться после, казалось бы, роковых ударов судьбы.

Впереди открывался путь, усыпанный розами. Эти розы я приготовился собрать в неувядаемый букет и подарить самому себе.

В мае м^е исполнилось двадцать. За всю историю нашей гребли я стал вторым по юности олимпийским чемпионом. После 18-летнего Вячеслава Иванова.

Я любил себя, был уверен в себе, и очень скоро эта любовь и уверенность начали приносить незабываемо горькие плоды.

За недолгие годы тренерства я утвердился, как считаю, в главном: учить надо на примерах, через которые сам прошел. Но иногда бывает необходимо взять за основу какой-то собирательный пример-образ, чтобы воздействовать на психологию ученика, чувствуя, как заносит его на виражах. Или вспомнить себя в их годы, уже увенчанного золотой олимпийской медалью, хотя и не ставшего от этого умнее...

Ранней весной шестьдесят девятого я, студент института физкультуры, приехал в Тирасполь на учебно-установочный сбор сборной команды.

Хожу весь из себя чемпионский, загранично-мексиканский, на ремне бляха умопомрачительная - два скрещенных пистолета (тоже мексиканского производства) - последний писк молодежной моды.

Хожу и рассуждаю. Вслух сам с собой советуюсь:

— Все-таки я в душе одиночник и буду грести в одиночке. Двойка - это не мое, на худой конец, правда, сойдет, но только в пиковой ситуации.

Евгений Борисович Самсонов пробовал со мной по душам поговорить. Я его выслушал внимательно, не перебивая. Но что он мог мне доказать?

Сасс после Олимпиады собрался покинуть большой спорт. Возраст свое брал, да и неинтересно ему теперь стало. Пропал вечный его стимул - победа над Ивановым. А продержаться на гребне формы еще четыре года до очередных Игр нереально. Так что о перспективности нашей двойки речь и не шла. Во всяком случае, я был в этом уверен.

Самсонов единственное, что мне пожелал - не переоценивать себя.

Понять бы мне тогда, насколько пророческим окажется его пожелание! Но, увы...

Я соглашался со всем, что мне говорили тренеры и ветераны, хотя предостережения их считал по большей

части пустыми и к моей персоне никакого отношения не имевшими. Не сомневался, что все умею делать в гребле. В голове застряло: если я олимпийский чемпион, то техника мне подвластна "от" и "до" и обрету ее в любой момент, когда захочу. Иногда забывал о тренировках. Хотя нет, "забывать" - это неточно. Тренироваться всегда умел, даже "звездная" болезнь не разучила. Но мог иногда позволить себе работать не выкладываясь, перенося на завтра то, чем обязан был заниматься сейчас, сегодня. Зато все давалось легко и можно было не насиловать себя. Как-то не верилось, что теперь кто-нибудь внутри страны сумеет преградить мне путь на одиночке.

Если бы мне тогда сказали: "Тимошинин, вот и дождался ты испытательного срока в своей спортивной судьбе и даже не представляешь, что тебе в скором времени предстоит пережить", - я в ответ рассмеялся бы.

Все складывалось блестяще. Мне везло в жизни буквально во всем. И недовольство Самсонова моими тренировками лишь оттеняло прелесть блестящего будущего, которое, по моим скромным подсчетам, мчалось навстречу со скоростью курьерского поезда.

Но в Тирасполе прозвенел и первый звоночек - вестник грядущих бед, Я заработал жесточайший радикулит. Поленился как надо утеплиться на тренировку, и острый весенний ветерок продул поясницу.

Боль прихватила под утро. Почувствовал, что не в состоянии разогнуться. Незнакомая сила обручем сжала спину. "Не может быть, - твердил я себе. - Это от того, что неудобно лежал. Сейчас, сейчас разойдутся мышцы..."

Как робот пошел на завтрак. Соме, увидев меня перекошенного, спросил:

— Доигрался? Заказывать билет в Москву?

— Ерунда, - ответил я. - После тренировки в баньке помнусь, опять человеком стану.

— Ну-ну, - протянул он.

Однако ни массажный стол, ни лечебные прогревания, ни сухой жар сауны не смогли избавить тело от боли. Тепло загоняло ее поглубже, но стоило сесть в лодку, как боль возвращалась вновь, перехватывая дыхание и заставляя думать только о ней.

Кончилось тем, что, я полностью сорвал весенний цикл подготовки. Измочаленный, шел в мае традиционную московскую регату. Конечно, проиграл. Даже не попал в финальный заезд.

В тот день на душе было погано. Под вечер наша семья собралась дома. Мы с отцом приехали прямо из Серебряного бора, где проходили соревнования. Прекрасного гребного канала в Крылатском еще не было, и главные старты проводились в Химках или Серебряном

бору.

Дома нас ждали мама и сестры Татьяна с Ольгой.

Молча почаявничали. Мать спросила у отца:

— Будете говорить?

— Будем, - ответил он. - Кое-что спросить у него надо.

— А что спрашивать-то, батя? - вмешался я. - Ну, проиграл. С кем не бывает?

— Не о проигрыше речь, о тебе, - отрубил отец. Сестрички сочувственно глянули на меня и скрылись в другой комнате. Мать ушла на кухню и загремела посудой.

— Что дальше думаешь делать? - спросил отец.

— Жениться, - пошутил я с кислым видом. Как будто он не знал, что буду гоняться, пока в силах.

— Иван? - раздался голос мамы.

— Ты лучше подумай над моим вопросом, чем зубы скалить, - сказал отец, отправившись на кухню. - Сейчас мне втолковывать начнут, чтоб помягче с тобой беседу вел. Сынок ведь проиграл, лица на нем нет, а я с расспросами к нему в душу лезу, вместо того чтоб отдохнуть дать, поддержать.

— Чайник, может, заодно поставишь, остыл совсем, - попросил я.

Отец, ни слова не говоря, взял чайник и пошел на кухню.

В тот момент мне хотелось одного - понежиться в тепле домашнего уюта и ни о чем не думать. Это было бы реально, если бы батя вдруг начисто забыл себя. Но я знал, что сегодня обязательно будет разговор о моем спортивном будущем.

— Не расхотелось жениться? - спросил отец, ставя дымящийся чайник на стол. - Сколько тебе сахара?

— Как обычно, две ложки.

— Ну так что, шутить будем или серьезно поговорим? - спросил он, разливая по чашкам темную, как деготь, заварку.

— Давай серьезно.

— Ты знаешь, куда с такой греблей скоро попадешь?

— Вновь к тебе под начало.

— Во-первых, я тебя не возьму. А во-вторых, если надумал шутки продолжить, иди-ка спать.

— Но что ты хочешь услышать от меня, па? - сорвался я.

— Кричать будешь, когда усы вырастут, - легонько, чтобы не привлечь внимания мамы, стукнул он кулаком по столу. - А услышать хочу слова мужчины, а не сопляка.

— Что именно?

— Как жить дальше думаешь?

— Как и все - учиться, тренироваться, выступать, выигрывать.

— Чем выигрывать? Золотой олимпийской медалью? Тренеры голоса на тебе сорвали в Тирасполе. Такого порассказали про твои выкрутасы, что я не поверил.

— Верить-то нечему. Ну, простыл, с кем не случается?

— С нормальными людьми, у которых голова на плечах, а не тыква.

— Значит, у твоего сына тыква. И он по-тыквенному соображает. Может, по-тыквенному и Олимпиаду выиграл?

— Была бы тыква, разговаривать с тобой не стал бы. Но никак не могу уловить: притворяешься или на самом деле понять не хочешь?

— Что понять, отец?

— Что с таким отношением к себе и к жизни ты скоро кончишься как спортсмен. Потом пройдет немного времени, и человеком быть перестанешь.

— Кем же стану, по-твоему?

— Приспособленцем.

— Не понял.

— Соглашаться с собой научишься. Все, что ни сделаешь, во всем правым будешь себя считать.

— Не грозит мне это, па, и так зол на себя, как тысяча чертей.

— Не чувствую я в тебе этой злости, Сашка, не чувствую. А то, что поплыл по течению, вижу.

Я вот смотрю: как после Мексики "заблестел", так из этого ореола выкарабкаться до сих пор не можешь. Как же - мы теперь великие, непревзойденные, всех и каждого за пояс заткнем. А кто пахать будет? Почву потом удобрять для следующих побед? Фомич?

— Фомич заканчивать собрался.

— Не перебивай, когда старшие говорят. Сасс закончит, но его отношение к делу в других останется. Да жаль, что не в тебе.

— Я одиночку хочу выиграть, одиночку!

— Ты хоть понимаешь, о чем тебе говорю? Я ему про Фому, он мне про Ерему. Ты ж себя в тираж пустил. Из олимпийского чемпиона посмешище начал лепить. Мне старики говорят: твой-то, Трофимыч, павлином сидит, а думает, что орел.

— Вот и скажи им, своим старикам, что... Хорошо, что в тот момент в комнату вошла мама.

— Поговорили? - спросила она. - Все выяснили?

Тогда спать.

Отец грузно поднялся из-за стола, молча взял чайник и пошел на кухню.

А я пошел в ванную. Сделал воду погорячее и долго стоял под колющими струйками душа, паря поясицу. В голове не было ни одной мысли. И думать ни о чем не хотелось. Не радовал и предстоящий сон. Я стоял под душем, тупо уставившись в стенку напротив, и заставлял себя думать...

Не знаю почему, но, когда рассказываю о гонках, о спорте как таковом, меня не покидает чувство какой-то внутренней неуверенности: будет ли это интересно читателю?

Много вышло книг, авторы которых, знаменитые атлеты, краса и гордость нашего спортивного движения, вспоминали, объясняли, советовали. Их работы в основе своей автобиографичны. Впрочем, иначе и быть не может. И как любой читатель, я руководствовался одним- интересно мне это или нет.

Интерес в моем понимании слагался из следующего: насколько захватывает сюжет повествования и сколько полезной информации я получаю как тренер, чтобы использовать запомнившееся в будущей своей работе. Но поставил себя на место читателя, предположим, не имеющего об академической гребле даже маломальского представления. И будто молнией ударило - ведь до прошедших турниров, до победителей и проигравших, ему ровным счетом нет никакого дела. Олимпиады совсем другое: что существуют они, знают все и каждый, и что для спортсмена нет награды дороже олимпийской - тоже общеизвестно. У меня же за плечами две олимпийские гонки - звездные мои часы в спорте. Значит, главный рассказ о них...

Уже в период работы над рукописью сомнения продолжились: кому и что будет интересно узнать? В отношении гребцов двух мнений не было: для них любопытно все, что я знаю и помню, и лучше - в хронологическом порядке. Поэтому обратился с вопросом к своим знакомым спортсменам. Ответы были и смешные, и серьезные, и совершенно для меня неожиданные. Один из приятелей спросил:

— Слушай, Тимошинин, ты в своем уме? Кроме информации, ты, как главный герой, должен будешь раздеть себя перед тысячами, показывая, кроме спортивных достижений, и слабости свои, и глупости, тобой наделанные. В жизни иначе не бывает: главный герой всегда конфликтен: сначала - сам с собой, затем - с кем-либо еще. Зачем тебе это? Ты ведь тренер. Кто-нибудь из твоих учеников прочитает тебя, а когда прижмешь его на тренировках, принесет тобой написанное и пальцем в нужную строчку ткнет, мол, кто бы учил...

— Ладно, предположим, дам просто перечень, где и как выступал. Лично тебе будет интересно?.

В ответ он усмехнулся:

— Лично для меня такое чтиво попусту потраченное время.

Но чаще слышал другие пожелания. Суть их проста. Меня просили рассказать о психологии побед и поражений, о становлении характеров в спорте. Люди хотели знать, что такое тренерская работа - у многих дети, братья, сестры занимались в различных спортивных секциях. И вот что еще было для меня немаловажным: когда я в запале начинал сыпать именами великих гребцов, то по глазам собеседника подчас видел, что это для него пустой звук, и тут же в ответ получал вопрос: а, к примеру, Вячеслав Иванов, кто он - машина, волей природы созданная для добывания медалей и рекордов, или соткан из плоти и нервов, как и любой из нас?..

Что ж, внутренний мир вида спорта, который зовется академической греблей, мне легче показать на собственном примере. Играть в псевдостыдливость не привык, как не привык балансировать посерединке, лавируя между оценками и мнениями, оставляя свое при себе. В том, о чем пишу, согласен, есть субъективность. А как иначе? События, о которых рассказываю, прошли

сквозь меня, преломились в моем сознании, а не проскочили насквозь, не задерживаясь, как по передаточному устройству.

И наступило время, когда я даже стал невольным раздражителем для Сасса.

В 1969-м я перешел из "Динамо" в Центральный спортивный клуб Военно-Морского Флота. И хотя продолжал мечтать о славе сильнейшего одиночника страны, неудачи, которые посыпались как из рога изобилия, заставили вновь сесть в двойку. Мы решили объединиться с Эдуардом Ждановичем и доказать всем, что не самые слабые. Пусть в последние годы он греб с олимпийским чемпионом Тюриным, а меня к олимпийскому "золоту" вел Сасс. То время прошло - ныне и мы вдвоем кое-что можем.

Фомич, узнав, что я снова оказался в двойке, тут же забыл о своих годах и болячках. И сел в лодку с очень хорошим гребцом Александром Малыгиным. Я, когда услышал об этом, сначала не поверил. Но ребята передали мне слова Сасса:

— Молодых надо учить.

С любой интонацией их можно прочитать...

В семидесятом Жданович и я выиграли в Киеве, в знаменитом Матвеевском заливе, Кубок страны, несколько международных регат. Хорошо у нас гребля получалась. А поехали на чемпионат мира в Канаду - перед финальной гонкой Эдик заболел. И все, что смогли сделать, так это занять четвертое место. Две десятых секунды проиграли англичанам в борьбе за "бронзу". До слез обидно было, потому что в форме находились.

Но нет худа без добра. Я лишний раз поверил, что счастье надо искать только в любимой одиночке. А 1971 год был особенным - спартакиадным. Изгнал из себя все сомнения и начал работать по-настоящему, до седьмого пота. И надо же случиться, что вновь пересеклись наши пути с Анатолием Фомичом Сассом.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Отец подошел. Минуты три поразговаривал, а потом мне:

— Тебя к аппарату.

— Кто?

— Сасс, - ответил батя и вопросительно глянул на меня. Но я в тот момент и представить не мог, о чем будет разговор.

— Молодой, - услышал грубоватый и спокойный голос Фомича. - А что, если нам опять вместе поработать?

— Как это вместе? - растерялся я.

— Очень просто, как в шестьдесят восьмом.

— Не, Фомич, не выйдет, я решил в одиночку, - отвечаю, продолжая удивляться столь внезапному предложению. Но Сасс просто так, без предварительных расчетов и подведения под них фундаментальной базы, во все тяжкие не бросился бы сломя голову. Все-таки тридцать пять стукнуло, не мальчик, чтоб для битья себя подставлять.

— Ты пока что ни "да", ни "нет" не говори. Подумай, время есть... до завтра. Для себя же прикинь: в одиночке тебе сейчас выдвинуться - пятьдесят на пятьдесят. Там ребят способных хватает. В двойке, если свой ход найдем, то из молодых вряд ли кто объедет, из стариков - тем более. Спартакиада раз в четыре года бывает. А там чемпионат Европы и Олимпиада не за горами. Так что подумай, Сань, дело предлагаю.

— Ладно, Фомич, буду думать. - И опять я удивился, что сказал так. А как же одиночка?

Когда положил трубку, отец спросил:

— Я понял, что задумали опять вместе сесть?

— Это он задумал. Я пока что думаю.

— А по-моему, дело стоящее, - после недолгого молчания объявил отец. - Сасс знает, что предлагает.

Да и тебе лишний раз у него поучиться - только на пользу.

— А как насчет цифры "тридцать пять"? - попытался возразить я.

— Ну и что? - услышал ответ. - Жизнь, что ли, на этом кончается? К тому же, не забывай, речь о Сассе идет, не о ком-либо. И дай бог вам, молодым, в двадцать грести так, как он сейчас.

На этом домашние дебаты закончились. Зато всю ночь голова работала не переставая. Пока, не запутавшись во всевозможных "за" и "против", не подумал: а почему бы на самом деле не удивить? Олимпийские чемпионы все-таки. Отказаться от такой заманчивой приманки, как победа, зачем тогда вообще заниматься спортом? Одиночка никуда не убежит. Ведь и сейчас Сасс по-прежнему в неплохой форме - так что можем произвести салют в свою честь из орудий главного калибра. За себя я ручался, как и он за себя.

На том и заснул.

Утром отец, догадавшись по моему решительному и деловому виду, что предложение Сасса принято, спросил:

— Хочешь, с Самсоновым поговорю?

— Этого еще не хватало, - обиделся я. - Сами объясним. Он поймет.

Евгений Борисович выслушал нас - говорил, понятное дело, Фомич - как-то чересчур внимательно, чуть склонив голову и переводя изучающий взгляд с Сасса на меня, с меня на Сасса. И в ответ мы услышали привычное самсоновское:

— Тогда для начала прокатимся.

Он пошел к катеру, а мы к эллингу за лодкой. По дороге Сасс сказал:

— Начнем легонько, враскачку, чтобы друг друга и гребок почувствовать, после - разными темпами попробуем. И еще...

— Фомич, - перебил я его, - вот если не попадем, то будешь учить. А пока дотерпи до лодки. У меня память неплохая, с шестьдесят восьмого ничего не забыл и научился кое-чему за эти годы.

Сасс хмыкнул, но советы при себе оставил. Правда, ненадолго. Он вновь взвалил ответственность за наш экипаж на свои покатые сильные плечи, не допуская, что может быть как-то иначе.

Если внешне ситуация напоминала преодолительскую, то внутренне изменилась. И я чувствовал, что, оставаясь для Фомича по-прежнему "молодым", право на голос имею теперь несравненно большее. Эта раскованность помогла нам сразу поймать ход лодки. Сасс, конечно же, наговорил мне изрядно, но факт оставался фактом - лодка летела. Казалось, сколько захотим, столько и прибавим. Самсонов очень скоро подал с катера знак, мол, закругляйтесь, хватит на первый раз. На этом наша "реанимация" закончилась.

На берегу Евгений Борисович ограничился одной фразой:

— Пока получается. Что дальше будет, посмотрим.

А дальше мы без особого труда выиграли спартакиаду и считались главными претендентами на поездку на чемпионат Европы.

Предсказания Фомича сбывались. Но отбор совершенно неожиданно проиграли ребятам даже помоложе меня - Гене Коршикову и Коле Беленкову.

Сасс, злой и подавленный, выбрался из лодки, и я услышал, как он прошептал:

— Старею, что ли...

Самое обидное, что они подавили нас на финише элементарной силовой выносливостью. И у тренерского совета сборной двух мнений, кого делегировать на первенство Европы, не было. Вдобавок решался не

сиюминутный вопрос, а с прицелом на Олимпиаду. Надо обкатывать потенциальных кандидатов.

Мы с Сассом в Данию тоже попали. Предстоял пробный старт четверок парных, разыгрывающих неофициальное чемпионское звание. И наша двойка вместе с Гусевым и Буткусом составила единый экипаж. Утешением это было слабоватым, но выбирать не приходилось.

Мы выиграли. На этом и закончился мой преолимпийский сезон. Предстояло, как говорил отец, думать и решать, на что бросить силы, чтобы попасть на Олимпийские игры в Мюнхене. Сомневался недолго. Решил - буду выступать только в одиночке - и твердо знал, что поблажек себе не позволю. Вполне хватало одного "головокружения", за которое год пришлось расплачиваться, да и после оно не раз мне икнулось.

За три прошедших сезона я стал битым. Тем самым, за которого дают двух небитых, не испытанных, почем фунт лиха. Я пятый год был в сборной страны, накопил опыт, научился просчитывать сильные и слабые стороны соперников и критически относиться к собственным способностям. Общение с Анатолием Сассом даром не прошло. Говорю об этом в прошедшем времени, потому что Фомич после того чемпионата покинул лодку, а если и выходил на старт, то больше для собственного удовольствия.

У этого сильного человека не хватило сил раз и навсегда обрубить свое настоящее гребца. Но практически он ушел из большого спорта непобежденным, сильнейшим в мире. И не беда, что его последний успех пришел в четверке парной. Все равно он стал чемпионом, пусть и неофициальным...

Меня же ждали еще пять долгих сезонов, прежде чем после мучительных сомнений решил стать тренером. Теперь уверен, что тренером стал по призванию. Но, вспоминая ту пору, все-таки не понимаю, как умудрился отважиться на это. Однако решение было принято, и я сменил лодочную банку на место в тренерском катере.

Когда занял его, то поначалу казалось, что судьба посмеялась над моим выбором. Мне было двадцать восемь. Но не хватало слов и умения объяснить, как надо что-то делать. Тогда я садился в лодку и показывал. Однако неумение объяснить убивало.

То и дело я вспоминал, что Сасс выиграл Олимпиаду в тридцать три, а закончил гребти в тридцать пять. Тренеры старших поколений даже говорили мне с улыбкой:

— Тимошинин, а может, второй твоей молодости время пришло. Давай-ка обратно в лодку, ежели что, поможем.

Я отшучивался и шел в библиотеку читать книги по психологии или же часами просиживал на тренировках именитых наставников, ведя конспекты,

записывая даже то, что на первый взгляд не имело никакого отношения к тренерскому делу.

Вузовский диплом без опыта работы - это все-таки не больше чем теоретическая грамотность. На практике же, методом проб и ошибок, я познавал суть тренерской профессии.

Когда решился попробовать себя тренером, то первопричиной ухода из лодки были рухнувшие надежды на участие в Олимпийских играх в 1976 году. После того как мы с Юрой Малышевым, радуясь своей потенциальной силе, тем не менее проиграли олимпийский отбор Коршикову и Барбакову, долго не мог понять, как произошла такая чудовищная несправедливость. Но это непонимание лишь давало выход эмоциям.

Все можно объяснить и обосновать. Но проигравшим от этого не становится легче. И во мне после преодолений экзамена семьдесят шестого года будто что-то перегорело. И понял, что не хватит сил - сил не физических, а внутренних - еще на четыре года спартанской тренировочной жизни. В том, что посетила подобная мысль, меньше всего хочется думать о собственной слабости. Приобретая горький опыт поражений, я научился трезво оценивать перспективность своих сил и возможностей. Правда, где-то глубоко-глубоко внутри шевелился червячок сомнений. Но спортивное честолюбие, которое семь лет помогало мне пересиливать неудачи, на сей раз не сработало. Видно, и оно устало.

Я вдруг оказался на распутье: не осознавая себя вне лодки, уже мысленно вышел из нее и теперь в растерянности' замер, не в силах отрубить то, что связывало меня с большим спортом.

Намного позже, разговаривая с Евгением Борисовичем Самсоновым, однажды коснулись мы темы тренерского призвания. Он спросил:

— Ты помнишь, когда захотел стать тренером?

— Нет, не помню, - признался я. - Более того, не помню, чтобы говорил себе: хочу быть и обязательно буду тренером. Говорил-то как раз наоборот, и не кому-либо, а лично вам, Евгений Борисович, что тренером никогда не стану.

— А я, например, - сказал Самсонов, - помню тебя страстно говорящего не кому-либо, а лично мне, наверное, месяца через два после того, как ты закончил выступать: "Такое чувство, будто во мне, как на дрожжах, восходит спортивный опыт. Если раньше сам накапливал и реализовывал его в гонках, то теперь, не зная расхода, он рвется наружу. И единственное, что хочу, чтобы зря он не пропал".

— И вы считаете те слова началом моего тренерского пути? - спросил я.

— Нет, - ответил Самсонов, - но внутренне ты уже созрел для тренерства...

Самое смешное, что Евгений Борисович, сам того не подозревая, на протяжении многих лет восстанавливал меня против тренерского ампула. Работаю, к примеру, на одиночке, выкладываюсь до упора, а Самсонов с тренерского катера кричит, мол, делаю совсем не то, что надо, и вообще не греблей мне следовало бы заняться, где думать надо, а чем-либо попроще. Крут был Самсонов и заводился с полуоборота.

Как-то я ему сказал:

— Зачем же, Евгений Борисович, мне разные обидные слова говорить? Вам-то в катере хорошо, а у весел мотора нет. Да и кричать каждый может, только толк от этого небольшой.

Он аж побелел от этой моей тирады. И произнес в качестве пожелания:

— Когда тренером станешь, тогда "запоешь" похлестче меня.

Но в 1976-м я сам перед собой наотрез отказался быть тренером. Был уверен, что ничего путного из этой затеи не выйдет. Зачем тогда занимать чье-то место?

А в начале 1977-го Гена Коршиков вдруг предложил... быть его тренером. Я опешил от неожиданности.

Спросил у него:

— И как ты это себе представляешь?

Мягкий по характеру, немногословный Коршиков представлял это так:

— Ты не первый год знаешь, что я могу и что умею, к тому же мы из одного клуба, и, думаю, должно получиться.

— Но зато я не знаю себя в этой роли, Гена, - сказал я.

— Вот и узнаешь, - ответил Коршиков, - а я в тебя верю.

Не сказав ему "да" или "нет", я ни на минуту не мог забыть об этом предложении.

Коршикова, как и меня, тренировал Самсонов. После него руководить подготовкой Генки - от подобной мысли мне стало смешно. Но поговаривали, что Евгений Борисович из тренерского катера уходит, будет работать в Спорткомитете страны. Коршиков оставался "непри-строенным", но соревновательный опыт позволял ему тренироваться у любого тренера. Гену не надо было учить или переучивать, ему надо было помогать замечать ошибки - со стороны они всегда виднее - и заставлять их исправлять. Но, с другой стороны, первый мой ученик и сразу - олимпийский чемпион, один из

лучших гребцов страны. Мы почти одногодки, вместе выступали, и ошибки, когда гребли, были не мои и не его, а наши общие.

Пошел за советом к Самсонову.

— А почему бы не попробовать, - сказал Евгений Борисович. - Узнаешь, насколько легко в катере сидеть, когда на твоих глазах черт знает что вытворяется.

Поговорил с отцом. Тот первым делом спросил:

— А сможешь?

Если бы я знал ответ на этот вопрос, то вряд ли спрашивал совета.

— Сможешь ли забыть о себе как о гребце? - переспросил батя. - Ведь в тренере живет не один человек, а все, кем он руководит и кого учит. Вот что ты должен понять и прочувствовать прежде всего. Мастерство с опытом придет.

В лодке ты мог быть каким угодно: неуживчивым, честолюбивым, слабым, сильным, в чем-то послабление мог себе дать, зная, что потом наверстаешь. Теперь нет. Каждый день - полная самоотдача в работе и ответственность за каждый поступок.

— Знаешь, такое впечатление, будто ты меня пугаешь, - сказал я.

— Настраиваю на ответственность, - поправил отец.

— Значит, свои двадцать восемь я, по-твоему, прожил безответственно?

— Ты прожил их за кем-то: за мамой и за мною, за Фомичом, за Самсоновым, за сборной командой. Согласен, ты принимал какие-то решения, может быть, очень важные для себя, для твоего экипажа, но они ведь ни в какое сравнение не идут с тренерской ответственностью. Расшифровать или понятно?

— Не вдаваясь в нюансы, понятно, - ответил я и, в свою очередь, спросил: - Вот ты на моем месте согласился бы сразу стать тренером Коршикова?

— При чем здесь Коршиков? - переспросил отец. - Мы с тобой о тренерской профессии говорили или о временной помощи?

— Так через Коршикова и собираюсь понять, моя это профессия или не моя. Потому что уверен: административная работа в клубе - это не мое, спортивную науку двигать - такого таланта за собой не чувствую, да и скучно мне это. А тренировать, живым делом заниматься - чем больше думаю, тем больше хочется. Но не знаю, что получится, вот в чем загвоздка.

— И ты хочешь, чтобы я сказал, сможешь ли быть тренером?

— Пожалуй, да. Ведь лучше тебя меня никто не знает.

— Может быть, в этом ты как раз и прав, но я не знаю ответа на твой вопрос. Да и есть ли ответ на него? Да, я хочу, чтобы ты стал настоящим тренером, если решился пробовать себя в этой профессии. А что ты уже решился, я сразу почувствовал. Но не хочу, чтобы ты числился тренером лишь потому, что не смог найти другого применения своим силам. Не знаю, что получится у тебя с Коршиковым, но тренер должен начинать расти вместе со своими учениками. Это мое личное мнение. Хотя у каждого свой путь. Во всяком случае, не забудь главного: если вдруг почувствуешь, что это не твое, тут же забудь о псевдопрестижности и ищи себя там, где сможешь отдать максимум себя. Но я очень хочу, чтобы ты нашел себя в тренерском деле...

Таким было пожелание отца в начале моей тренерской карьеры. Он во многом оказался прав. Начав со сборной, я вернулся к ребятам, которые делали первые шаги в гребле, и рос как тренер вместе с ними. Вместе с ними познавал радость побед и горечь поражений и по неопытности допускал просчеты, чтобы никогда их уже не повторить. Вместе с учениками и вернулся в сборную, правда, сначала юниорскую.

Отец был прав и в том, что во время нашего с ним разговора внутренне я уже был готов стать тренером Гены Коршикова, хотя до сих пор не могу привыкнуть к громкости этой фразы. Но если откровенно, то руководить Коршиковым мне было привычно, что ли. В 1972-м, до Олимпиады и в период ее, только этим и занимался. Слово приняв эстафету Анатолия Сасса.

Однако места в лодке и в тренерском катере далеко не равноценны, в том числе и по мере ответственности. Но мне повезло, что и после Игр, когда мы выступали одним экипажем, я был ведущим и Коршиков за мной сидел, а не я за ним. И было легче начинать, когда спортивное "я" автоматически переключилось на "я" тренерское.

...Вот так, минуя предварительные этапы тренерского пути, переступив через все ступеньки тренерского роста, я стал тренером Коршикова, вновь попал в сборную, правда, в непривычном для себя амплуа. И тут же почувствовал повышенное внимание к собственной персоне со стороны других тренеров, да и гребцов тоже - ведь со многими совсем недавно соперничал: проигрывал, выигрывал, но был одним из них.

Хотим мы этого или нет, но между тренером и спортсменом всегда была, есть и будет грань, которую не стереть. И прежде всего вижу ее в мере ответственности за общее дело. Причем она может быть одинаково, что называется, высшей, но не однородной.

Последние четыре года, перед тем как закончить грести, я был капитаном сборной команды страны по академической гребле. Ответственность немалая. Пример капитана прежде всего и заключается в его личном отношении к тренировкам, в умении собраться и выиграть гонку, в работе "через не могу".

Да и опыт спортивный необходим, и черты характера, которые не отпугивают, а, наоборот, помогают сборной стать коллективом единомышленников, а не просто набором индивидуумов. А над всем этим все равно стоит личность тренера. Потому что он и капитан, и директор, и начальник, и папа с мамой, и вообще все на свете в лице едином.

Я уже говорил, что без веры ученика в тренера (именно в такой последовательности. От перестановки слагаемых формула успеха тут может здорово измениться!) творческого единства не достичь. Тренерские ошибки - это другая сторона вопроса. Сейчас ее не касаюсь.

В любом виде спорта есть люди, которых мы называем гениальными детскими тренерами. Они не ставят учеников на пьедесталы самых крупных соревнований, но делают незаменимое - дают их природному таланту самую первую, во многом интуитивную и одновременно выверенную огранку. И мы вдруг начинаем видеть этот талант в мальчишках и девчонках и говорить об их чемпионском будущем.

Я преклоняю голову перед талантом детских тренеров в умении найти такой контакт с учеником, чтобы тот раскрылся, стал самим собой и день ото дня становился бы лучше себя прежнего, вчерашнего. И никогда не соглашусь с тем, кто скажет, что с детьми работать хлопотнее, но легче, нежели отшлифовать до олимпийского блеска мастерство взрослого спортсмена.

Допускаю, что кому-либо из тренеров, прекрасно проявивших себя в работе с детьми, не удастся столь же блестяще готовить чемпионов мира. Но профессиональные тренерские знания - это тот багаж, который можно накопить. Уверен, если бы наши лучшие детские тренеры поставили перед собой цель работать в спорте ради высших достижений, то подавляющему большинству это удалось бы. Ведь у них есть главное - понимание ученика, умение вызвать в нем веру в правильность и необходимость совместных - тренера и ученика - решений и поступков.

Например, минский тренер Петр Ефимович Ковганов вывел в сборную Володю Парфеновича, который на олимпийской регате-80 в Москве стал трехкратным чемпионом Игр и был признан лучшим байдарочником мира за последние годы. Ковганов передал Володю в руки Анатолия Каптура, а сам ни на день не прекратил поиск будущих "звезд". Хотя не раз его в главную команду страны приглашали...

В свой предтренерский период, после того как Кор-шиков предложил мне работать с ним, много пришлось поразмышлять о тренерской профессии вообще. Думал, смогу ли быть таким-то или таким-то. Но как ни старался, не мог представить себя наставником совсем юных ребят, ничего не умеющих в гребле.

Я даже не знал, как бы следовало вести себя с ними. Внутренне соглашался на обучение новичков, но уже достигших того самостоятельного и сознательного возраста, когда можно не объяснять, зачем надо усиленно

тренироваться, а при возникновении конфликтов серьезно, по-мужски поговорить.

Но даже это было как бы за туманом, вне реальности. И может показаться странным, но раз за разом, возвращаясь к предложению Гены Коршикова, я до мельчайших подробностей представлял себе наши с ним тренировки, в которых я - тренер, а он выполняет мои задания. Прекрасно знал все его слабые стороны, где что надо убрать, подтянуть, добавить, отшлифовать. И тут же вспомнил, что Генка не хуже знает и мои слабости как гребца, как исполнителя. Пойдет ли он на то, чтобы забыть о них? Не парирует ли в какой-нибудь из критических моментов нашего общения очередной тренерский приказ убийственной фразой: "А сам-то..."

Но ведь он мне сказал, что верит. А Гена Коршиков - человек слова.

У нас с ним был один тренер - Евгений Борисович Самсонов. Я бы мог представить своим тренером Вячеслава Иванова. Мысленно пробовал на это же место поставить Анатолия Сасса, но не получалось. Наверное, очень много было пережито, пока у нас была одна лодка на двоих.

Но разве меньше мы пережили с Коршиковым? Да, разные мы с Генкой по характеру. Он помягче, дипломат. Ну а для меня черное - это черное, а белое - это белое, без всяких "но".

Должен ли тренер быть жестким? Да, и только да. Обязан уметь подавить ученическое "не хочу", которое, сами того не ведая, сидящие в лодке выдают подчас за "не могу". Было время, я на себе это испытал. Самсонов и давил, не очень-то заботясь о моих внутренних переживаниях. И правильно делал. Умолчу, как это выглядело воочию, но он, зная меня и мои возможности, заставлял меня в меня же и поверить. Одна из составляющих высочайшего тренерского искусства Евгения Борисовича заключалась и в том, что он ни разу не перехлестнул через край.

Даже у гребцов необыкновенно трудолюбивых и сознательных случались в спортивной жизни стрессовые ситуации, когда тренеры, доказывая им что-то необходимое, превращались чуть ли не в надсмотрщиков, заставляя их переделывать сделанное, пока не получалось на "пять" с плюсом.

Но тренерская жесткость, как я понял со временем на собственной практике, - палка о двух концах. По отношению к кому-то без нее не обойтись, и таких спортсменов большинство. Однако есть ребята, которых "да-виловка" может мгновенно и безвозвратно выбить из колеи. Вновь отвлекусь от гребли и приведу пример из баскетбола - о мужской команде ЦСКА образца 70-х годов, которой руководил заслуженный тренер СССР Александр Яковлевич Гомельский.

Это была "звездная" команда: Сергей Белов, Иван Едешко, Алжан Жармухамедов, Валерий Милосердое, Станислав Еремин, Евгений Коваленко... Речь и пойдет о Коваленко. Крайний нападающий, интеллигент баскетбола, он обладал снайперским броском и считался истинно командным игроком.

Понятно, что в баскетболе, где события на площадке меняются со спринтерской скоростью, от ошибок никто не застрахован. И надо было слышать, как Гомельский, готовый вот-вот взорваться во время минутного перерыва, что-то очень спокойно объяснял Коваленко, хотя за похожую "провинность", к примеру, тот же Милосердов получал такую порцию разноса, что ее с лихвой хватило бы на всю команду. Так тренер держал своих подопечных в годахми проверенном психологическом тоне, разработанном для каждого игрока и проверенном на тренировках, при разборе предыдущих игр. И тренировочная ситуация перекладывалась на игровую...

Или любимый всеми хоккей. Не слышал ни от кого из армейцев, а знаком со многими, чтобы их радовали те чудовищные тренировочные нагрузки, которые давал своей команде Анатолий Владимирович Тарасов, заставляя до бесконечности оттачивать техническое мастерство, отрабатывать игровые ситуации. Ребята мне рассказывали, что иногда в раздевалке после тренировок не чувствовали своего тела и ненавидели Тарасова. Зато когда заканчивались матчи, в которых они переигрывали соперника по всем статьям, устало улыбались и говорили: "Вот что значит нормальная тренировка..."

Интересно, а смог бы Женя Коваленко тренироваться у Тарасова? Получилось бы у Тарасова "не сломать" Коваленко?..

Как-то на одной из пресс-конференций меня спросили:

— Какие чувства вы испытываете к своему тренеру? То есть к Евгению Борисовичу Самсонову.

— Благодарность и уважение, - ответил я.

— Расшифруйте, пожалуйста, - последовала до того нелепая просьба, что я сначала растерялся. Получилось, что от меня ждали ответа, за что я благодарен и за что уважаю Самсонова.

— За человечность, - сказал я, потому что вдаваться во все наши "производственные" нюансы было бы смешно, да и в конце-то концов это наше личное.

В ответ меня наградили вежливыми улыбками.

— А можно ли объединить все ваши чувства одним понятием - любовью?

— Наверное, нет, - ответил я.

Через несколько лет, когда уже довольно уверенно почувствовал себя в тренерском деле, вновь пришлось столкнуться с вопросом насчет "любви к тренеру", хотя и был он сформулирован несколько иначе:

— Как вы думаете, ваши ученики любят вас или нет?

— А вы не хотите заменить слово "любовь" на "уважение", "преданность" или сочетание "верят во всем"? - спросил я у журналиста. Тот, подумав, ответил:

— Если вам так легче, то пожалуйста. Хотя мне казалось, что первое, второе и третье и есть составляющие любви, именно любви к тренеру - педагогу и человеку...

Никогда не задавался вопросом, любят ли меня, своего тренера, мои ученики. Не те, с кем работаю в сборной команде и которые приглашены из разных городов и спортобществ. А ребята, делившие со мной не один год радости и невзгоды, те, кого и привел в сборную. Например, тот же Игорь Ярков, моя тренерская гордость.

Знаю, что уважают они меня, верят мне и преданы мне. А это как раз тот комплекс чувств, который помогает нашей тренировочной работе стать творческой и необходимой им и мне.

Допускаю, что довольно упрощенно обращаюсь с таким высоким понятием, как любовь. Но так воспитан, что любовь ассоциируется у меня с Родиной, родителями, женой, детьми, то есть самым главным, что есть в моей жизни, в жизни, пожалуй, каждого из нас. Но когда слышу, как слова "любимый тренер" произносятся с интонацией "разменной монеты" и теряются в речевом обиходе среди любимого "блюда", "куклы", "сигарет" и "кино", мне не хочется, чтобы речь шла и обо мне.

Или другая, привычная нашему уху крайность. Очень часто в теле- или радиоинтервью с юными спортсменами проскальзывает: "Я люблю своего тренера за то-то и за то-то..." И как им объяснить, что любить за что-то нельзя. Когда я пытался дискутировать на эту тему, то нередко слышал:

— Да брось ты, Тимошинин. Подрастут, сами во всем разберутся.

Подрастут - разберутся, куда ж денутся. Самовоспитание - это здорово. Двумя руками голосую за самостоятельность подрастающего поколения - разумную самостоятельность. Но, рассказывая ребятам о чести флага, которую им придется защищать на крупнейших соревнованиях, о незабываемых минутах, когда в честь твоей победы звучит гимн Родины, о форме сборной команды СССР, что это не просто тренировочный костюм с гербовой эмблемой, а символ доверия, оказанного тебе твоим народом, наверное, и о таких высоких понятиях, как Любовь и Дружба, надо говорить по самому большому счету.

...Вспомнил прекрасную повесть Василия Ливанова "Мой любимый клоун". Читал - оторваться не мог. Но при всем своем желании не могу представить что-либо печатное под названием "Мой любимый тренер". Разве эта вещь будет принадлежать перу женщины.

Невольно подумалось о теме "оборотной" - любимый ученик, или более привычно и сокращенно - любимчик. Негласно считается, что любимчиков (хотя и употребил это слово, но слащавость его не перевариваю) среди учеников иметь не то что плохо - антипедагогично.

Согласен, если ты учитель в школе и ведешь обязательный для каждого из тридцати гавриков предмет - физкультуру, то выделять кого-либо из них, а значит, и внимания больше, чем остальным, уделять на самом деле негоже. Но спорт, спортивная секция, тренировки - трата времени добровольная. И хочет того тренер или нет, среди его воспитанников обязательно будет наиболее талантливый. А талант требует внимания первостепенного и подхода особого, кропотливой шлифовки.

Но подчас происходит вот что: веришь в талант ученика, потому что не поверить в это нельзя, но вдруг перестаешь верить в его будущее Человека. Уговариваешь, продолжаешь доказывать себе, что не все доводы испытал, не все примеры перепробовал. И даже допускаешь, что у другого тренера парень дойдет до олимпийских высот. Но захлестывает ни с чем не сравнимая обида от однажды случившегося - что он предал тебя, твою веру в него. И это мне довелось пережить в моем недолгом пока что тренерстве. Жена называла подобное ударами судьбы. Но это даже не удар - взрыв, от которого, пока не оттаешь, становишься недоверчивым и холодным.

И как важно тренеру в эти горькие минуты вновь обрести себя. Причем не сегодня или завтра, а "еще вчера". Не видеть все и всех в черном цвете.

И я боролся сам с собой при поддержке своих самых верных учеников. Потому что был уверен в их порядочности. Порядочности во всем - и в малом, и в большом. А их спортивный талант превращал нашу работу из порой нудного труда в поэзию, что ли. Во всяком случае, мне было легко. Им-то, понятно, тяжелее. Особенно в физическом отношении. Кто не выдерживал, уходил. Оставались самые верные - и гребле, и мне - ребята. Кто-то поспешил окрестить их моими любимчиками. Пусть будет так. Но с любимого ученика и спрос особый...

Официально тренером Коршикова пригласил меня в сборную Леонид Драчевский, тогда главный тренер команды. Коршиков рассматривался пока как одиночник - еще свеж был в памяти его провал с Барбаковым на олимпийской регате в Монреале. О парной двойке разговор велся именно "в перспективе". Главной моей задачей оставался лично Гена Коршиков. И ему тоже сказали: мол, теперь все зависит от вас двоих. Нам к такой раскладке было не привыкать. Психологически нынешняя ситуация напоминала ту, предолимпийскую, 1972 года. И мы бросились в бой, как говорится, с открытым забралом.

— Не грусти! - попытался он развеять мою задумчивость после первых тренировок в Мингечауре. - Где наша не пропадала.

А задуматься было над чем. Выходя на воду, я знал, что ему необходимо дать, но подчас не знал, как это объяснить.

Вот он идет в лодке, я рядом, в катере. У него ничего не получается.

— Слушай! - ору. - Ты что, специально надо мной издеваешься? Ведь элементарно все как дважды два. А ты заладил свое... Для кого голос срываю?

По-русски же объяснил: главное - ноги. Spина и руки лишь помогают, у тебя же ходуном тело ходит!

Генка табанит. Собирается с мыслями и силами и... вновь идет так же, как и десятки раз до того.

Я рву и мечу в своем тренерском катере, и, доберись сейчас до Коршикова, не знаю, что с ним сделал бы! Мне не хватает ни слов, ни воздуха. Вдобавок замечаю виноватую Генкину улыбочку и через силы хриплю:

— Давай к плоту.

На плоту мы меняемся местами. Я лезу в лодку, Коршиков - отдыхать в катер.

— Не усни! - командуя я. - А то как бы не перетренировался! Бот смотри.

Сажусь на весла и показываю. Удивительно, но, будучи действующим гребцом, я сам не всегда делал то, что ныне требовал от Генки и что от меня когда-то требовал Самсонов. Помню, когда впервые это в моем сознании зафиксировалось, я покинул лодку ошеломленный открытием. Думал, что случайность. Коршиков было изготовился повторить урок, а я ему:

— Погоди-ка, еще разок покажу!

И вновь продемонстрировал те гребные навыки, которые Самсонов из меня дубинкой вышибить не мог. А тут получилось с хода, от души и раскрепощенно.

— Сань, может, так и останемся: ты в лодке, я - в катере? - услышал голос Коршикова.

Я отвлекся от своих мыслей, увидел Генку и спросил:

— Понятно?

— Во! - поднял он большой палец. - Как в учебнике. Хоть кинограмму снимай.

— Тогда хватит болтать, за дело...

А однажды Коршиков устроил мне гребные "смотрины". Не знаю, нарочно или нет, но в то утро его гребля вдруг "рассыпалась" в пух и прах, будто он только вчера пересел на банку со школьной скамьи. С нами иногда такое случается, поэтому я посоветовал ему стать спокойным и рассудительным и вспомнить все с самого начала, не торопиться, а потихоньку связать движения в одно целое. Генка кивал, во всем со мной соглашаясь, но творил в лодке совершенно обратное. Наконец он довел меня до белого каления:

— Ты олимпийский чемпион или...?! Не дав мне докричать, он перебил:

— Лучше покажи. Что случилось, не пойму. Со стороны ошибки-то виднее.

— Давай к плоту, тунядец, - скомандовал я. - Но если и после будешь корягу из себя изображать, то не знаю...

И я начал гонять лодку перед плотом туда и обратно, не очень-то поглядывая по сторонам и вслух комментируя каждое движение: куда ноги идут, куда руки, куда туловище. Вскоре вообще ушел в себя, настолько увлекся. И вдруг слышу радостный голосок Коршикова, объясняющий греблю Александра Ивановича Тимошинина, "непревзойденного мастера парного весла". Перевел глаза на плот и увидел целую делегацию из тренеров и спортсменов сборной, возглавляемую Драчевским. Коршиков выступал перед ними в роли гида-экскурсовода.

— Стоп, Гена, - сказал Драчевский, - кажется, он наконец нас заметил.

— Тогда, товарищи, давайте поплодирем Александру Ивановичу, как я уже говорил, непревзойденному мастеру парного весла, да что там парного - всех весел, вместе взятых, за его нестареющую с годами греблю, - закончил Коршиков с сияющей физиономией.

Они действительно поплодировали, пока я вылезал на плот.

— Запланированный цирк? - грозно спросил я у Генки, невольно подумав, что копирую Сасса в годы его "борьбы" со мной.

— Спонтанный. И не цирк - урок, - сказал Леонид Драчевский, а Анатолий Беленков, нынешний главный тренер сборной команды страны, добавил:

— На классику лишний раз посмотреть не помешает. Так что не сердись. Шли мимо, увидели застывшего на плоту Коршикова с разинутым ртом, захотелось узнать, что ж он так внимательно впитывает. Оказалось - дело.

— Леонид Вадимыч, - обратился Генка к Драчевскому нарочито возмущенно. - Какой день ему доказываю: меняться надо. Я в катер, он - в скиф. Или в двойку опять сесть можем. Так нет, заладил: я - тренер, делай, как показываю, иначе - кранты, - и Коршиков провел ребром ладони по горлу.

— Утопит? - испуганно ахнул кто-то из ребят. Понятное дело, что после этого плот загремел зычным мужским смехом. Я смеялся вместе со всеми, чувствуя, как спадает напряжение. Все-таки закрепостился я в те первые свои тренерские дни нещадно, и бесконечно крутилось в мозгу, будь тренером, будь настоя-, щим тренером, покажи себя тренером. А Коршиков, чувствуя это мое состояние, помогал мне избавиться от него и стать самим собой, иногда в шутке искал разрядку, опять же для обоих.

За что еще Генке благодарен, так это за человечность. Прежде всего она заключалась в том, что сразу и перед всеми Коршиков поставил меня своим тренером. То есть на людях - не просто Саша или Шура, а Александр

Иванович, не иначе. И без тени сарказма в голосе, потому что так надо. И внутренне Генка настроился на то, что он - мой ученик. Требовал от меня именно тренерства, а не продолжения нашего олимпийского партнерства. Бывало, я срывался, когда на какую-либо, по моему тренерскому понятию, ерунду нам приходилось тратить не часы, а дни. И здесь Коршиков проявлял максимум такта - он, олимпийский чемпион, прилежно продолжал учиться, хотя в ответ мог бы наговорить мне не меньше "любезностей", чем я ему. Но он знал, что мой запал не от того, что в одночасье почувствовал себя великим тренером или его, Геннадия Коршикова, уважать перестал, а по характеру я такой. И он понимал меня, принимал таким и прощал. Лишь однажды, видно, когда Гена сам был "на пределе", я услышал в ответ:

— Если такой умный, то садись и греби!

Помню, тогда я сел в лодку и "прошел" полтысячи с такой силой, что весла скрипели. Зато разрядился лучше некуда. Вернулся к плоту, а Коршиков улыбается:

— Сань, я лекарство против стрессов нашел.

— Какое? - спрашиваю.

Он тычет пальцем то б сторону скифа, то в мою и подмигивает, мол, понял, тренер?

Ну а то, что меня тренеры в лодке увидели, когда вдруг обрел технику, какой раньше не было, незамеченным не осталось. Драчевский то ли в шутку, то ли всерьез спросил:

— Вернуться не тянет?

— Иногда тянет, - ответил я.

— Так в чем же дело? Может, попробуешь? Фомич в тридцать три Олимпиаду выиграл. Тебе двадцать восемь, да и перерыв небольшим оказался, даже на пользу пошел.

Сам того не подозревая, он затронул вопрос, который частенько посещал меня в последние дни. Но я не чувствовал в себе сил, которые помогли бы вновь войти в спортивный режим. Другими словами, осталась психологическая усталость от сборов, тренировок и соревновательных стрессов. Я не был уверен, что смогу переломить себя. А возвратиться сомневающимся - это не для меня. Вдобавок работа с Коршиковым помогла мне понять, что тренерское дело - мое призвание. Поэтому и сказал Драчевскому:

— От добра добра не ищут...

И, говоря так, верил, что обязательно буду тренером, как бы ни сложилась наша дальнейшая судьба с первым моим учеником, заслуженным мастером спорта Геннадием Коршиковым.

А пока до нас доходили слухи, что Тимопшнин неплохо придумал, совместив на тренировке показ с рассказом. Оправдываться, что случилось это не от хорошей жизни, я не стал, потому что "новаторство" приносило плоды. Однако для себя сделал вывод: чтобы показывать с пользой для дела, следует как можно чаще пересаживаться из катера в лодку и устраивать тренировки лично для себя, в свободное от работы с учениками время. И до сих пор стараюсь не забывать это правило. Взгляд со стороны, даже тренерский взгляд, и последующее за ним словесное объяснение живой картинке все равно не заменит. В конце концов и народная мудрость гласит: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А в спорте как в жизни. Вот и показываю. И постараюсь остаться в лодке как можно дольше.

В 1977 году окончил выступать Гена Коршиков. Как бы разогнал меня, придав стартовую скорость, и осушил весла, почувствовав накопившуюся усталость. Впрочем, грандиозных планов мы с ним и не строили. В сборной происходила смена поколений, и надо было учить молодых, подающих надежды ребят, учить, оставаясь рядом с ними. Опыт пересказать невозможно, его можно лишь передать.

В одиночке первым номером Коршиков явно не котирировался. Неплохо шел Клешневу, да опытный Николай Довгань не собирался уступать лидерства. Так появилась в сборной новая парная двойка - Коршиков и Женя Черный из Днепропетровска. Они выиграли первенство страны и добились права стартовать на чемпионате мира в Голландии. Вернулись с бронзовыми медалями. Гена, конечно, рассчитывал на большее, но английский экипаж и занявшие второе место гребцы ГДР были объективно сильнее. Сборная прилетела в Москву, и перед полуночной "Стрелой" (Коршиков - ленинградец) мы у меня посидели дома, повспоминали.

— Вот и все, Саня, - грустно сказал он. - Что мог. то сделал, а на большее уже не хватает. Проигрывать, как и ты, не люблю, выступать же просто для зачета мне неинтересно, и глупо, наверное, это. Олимпийский чемпион, и на тебе - зеленым юнцам в хвост смотрит. Зачем тогда становиться олимпийским чемпионом? Хотя, знаешь, я даже не столько результаты побед помню - медали, кубки, грамоты, аплодисменты, сколько гонки те, победные. Мюнхенскую, конечно, прежде всего. Как живая, перед глазами пронесется. А еще, помнишь, как после финиша, когда ты сказал, что нас за медалями зовут, я выдал: "Какие медали, Шура, домой хочу, к маме". Сейчас вспоминаю - смешно, а в тот момент на самом деле мне было ровным счетом наплевать на любые медали и очень хотелось оказаться дома, в Ленинграде. Без предстартовой нервозности и того адского напряжения, что испытали в финале. Скажи мне тогда, что выдержи темп, который с тобой задали, не поверил бы...

Он глянул на часы и заторопился.

— Успеешь, еще два часа до поезда, - резонно заметила моя жена. - На метро через двадцать минут будешь на вокзале. Да и торт нетронутым стоит.

Я Коршикова понимал. Сам через это состояние невесомости прошел. Ему одному хотелось побыть.

Поймал его вопросительный взгляд. Чуть кивнул в ответ.

— Наташа, извини, дела у меня еще кое-какие. Шура знает - не шучу.

Наташа тоже все поняла. И она ведь через это прошла - через уход из большого спорта, когда кажется, что безвозвратно теряешь что-то очень важное в жизни...

А меня ждал новый этап в тренерской работе. Совершенно незнакомый, потому что пришлось начинать практически с нуля.

Взлеты в начале тренерской карьеры, поверьте, куда хуже, нежели продвижение по ступенькам освоения мастерства тренерской профессии, с основательным и неторопливым фиксированием каждого шага. Хотя лично для меня начало работы сразу же в сборкой команде и с таким опытным спортсменом, как Коршиков, во многом определило выбор профессии. Я почувствовал, что значит быть "наверху", и понял: что бы ни пришлось испытать в дальнейшем, выше награды, чем передавать опыт лучшим, для меня нет. Тревожил другой вопрос: сумею ли сам подготовить гребца для сборной? Аванс в виде испытательного срока, пока Коршиков оставался действующим спортсменом, надо отрабатывать. И я был благодарен Самсонову, Драчевскому, Беленкову, отцу, что они помогли мне отыскать мое дело жизни.

Конечно, я пришел в сборную не с улицы. Помогло, что десять лет выступал в составе главной команды страны, дважды стал чемпионом Игр. Во всяком случае, что Тимошинин за человек, руководство сборной знало прекрасно. Однако уверен и в другом - не выбери Кор-, шиков меня своим тренером, не начать бы мне работу прямо со сборной.

Главная команда страны - не ликбез и не начальная тренерская школа. Какие бы дружеские отношения ни связывали меня с людьми, играющими в сборной первые роли, принизить ее авторитет, унижить меня и себя нарушением профессионального этикета не позволил бы никто. И когда захеллил Коршиков весла, то я поблагодарил всех за помощь, доверие и сделал в ЦСК ВМФ свой первый тренерский набор. Точнее, мне дали возможность начать самостоятельную работу не с совсем юных мальчишек, а с 18-летних ребят, призванных на службу в ряды ВМФ, уже кое-что понимающих в гребле и достигших юношеского расцвета сил...

Но вернусь немного назад. Во время первых занятий с Коршиковым мне помогали, подсказывали Драчевский, Беленков, Евгений Владимирович Сиротинский. Но очень скоро я воспротивился их опеке, считая, что в глазах гребцов выгляжу не тренером, а непонятно кем. Вот и сказал однажды:

— Вы уж простите и поймите, но постараюсь работать сам, без каждодневной "круши". Если вконец запутаюсь, то подойду и совета спрошу, не постесняюсь. Но тренером быть мне, значит, и ошибаться тоже мне.

Лихо сказал, даже самому понравилось. Беленков тут же резюмировал:

— Вот что значит облечь властью не понимающего, что такое власть.

-С Коршиковым же работаешь, не с новичком, - добавил Драчевский. - Он человек мягкий, а ты своим нахрапом и кажущейся правотой олимпийского чемпиона поломаешь - глазом не моргнешь.

— Но Генка мне доверяет. В том числе и как тренеру? - отпарировал я.

— Так снимем шляпу, товарищи, - улыбнулся Беленков, - перед полной самостоятельностью тренера Александра Тимошинина. Впечатляющей самостоятельностью, сказал бы.

— Ладно, поживем - увидим, - закончил я это не очень-то нравившееся мне обсуждение моего тренерского дебюта. И, уходя, услышал слова опытного тренера Си-ротинского:

— Пыл пройдет, все образуется. А Коршикову и нужен такой лидер-тренер, как Тимошинин. Я, например, за них не волнуюсь. Сами во всем разберутся. Да и Коршиков не такой уж мягкий, как вы его тут изобразили, дело свое не хуже Тимошинина знает.

— Надеюсь, - сказал Драчевский. - Иначе не согласился бы на их дуэт...

Так началась наша самостоятельная с Коршиковым работа. Только не подумайте, уважаемые читатели, что представляла она непрерывную цепочку словесно-эмоциональных всплесков и что я поминутно драл глотку, давя на психику Коршикова и приказами, и не очень-то вежливым обращением. Просто выбрал для показа маленький кусочек из нашей с ним тренировочной жизни. Хотелось "живьем" показать одну из стрессовых ситуаций, которая в силу необычных для меня открытий запомнилась особо. В целом же мы трудились спокойно, уверенные друг в друге.

...Итак, теперь у меня не один ученик, а сразу двенадцать. Молодые, здоровые, одаренные ребята. Ну, думаю, с тренерскими авансами покончено, пора делом доказывать, на что способен. Сейчас с моими орлами начнем ударную работенку, а дальше - как по маслу пойдет: и в сборную попадем, и на международных регатах о себе заявим.

Сначала все складывалось неплохо. Первым делом подналегли на общефизическую подготовку: осенью - кроссы, зимой - лыжи. Зал тяжелой атлетики обжили, чтобы мышечную массу поднарастить. Тренерское рвение ключом из меня било. Почти наравне с ними занимался всем, что по расписанию положено. Все на личном примере, никакой пощады к себе.

Соответственно и от них того же требовал. А у самого чувство, будто вторую спортивную молодость переживаю.

Но отец как-то спросил:

— Не слишком ли круто начал? Загоняешь ребят. К гребле охоту отобьешь.

Тогда этим справедливым словам не придавал никакого значения. По себе судил: я в их возрасте горы готов был свернуть, дня не хватало. Что такое усталость, я и не знал. А они хуже меня, что ли? К тому же сразу договорились, что играем только в "чемпионскую игру". Меньшее не устраивает. Кто не согласен, пусть лучше сразу из группы уходит. Никто не ушел, все двенадцать остались.

А месяца через три-четыре у меня тренировались лишь шестеро. Кого-то сам выгнал за нарушение режима. Но были и такие, кто просто не выдержал нагрузок. Я не обратил внимания на этот ставший явным симптом. В спорте всегда кто-то что-то не выдерживает. Другое дело, что опытный тренер никогда не объяснит это лишь физической слабостью ученика. Перво-наперво просчитает, не его ли максимализм в достижении цели - причина происходящего. Мне же о подобном задумываться было некогда. Предстоял отборочный турнир кандидатов на участие в юношеском первенстве мира, который определил для себя как собственные тренерские смотрины. План насчет оставшейся шестерки был таким: готовлю хорошего одиночника, четверку парную и одного держу в запасе, чтобы и на скифе мог дистанцию пройти, и в четверке подменил, если потребуется.

Но столь блестящий план, а с ним и радужные надежды рухнули, когда вскоре остались в группе... три человека. Вот тогда впервые серьезно и задумался: а правильно ли тренирую? И вообще, могу ли это делать, мое ли это дело? Пока судорожно метался в поисках ответа, подоспел отборочный турнир. От него я уже ничего не ждал. Больше по служебной необходимости, нежели по желанию, выставил парную двойку и одиночника. А двойка возьми да и выиграй. И ее победа будто к жизни меня вернула. Выходит, не зря старались. Значит, сработал потенциал, который закладывал в ребятах все эти месяцы. Правда, по-прежнему не давала покоя арифметика: минус девять из двенадцати. Но очень скоро мысли об этом отошли на задний план, потому что вместе с экипажем двойки я попал тренером в юношескую сборную. Надо было готовить ребят к предстоящему мировому чемпионату.

Возглавлял команду Анатолий Борисович Беленков. Он-то и настоял, чтобы, кроме парной двойки, я поработал в оставшееся до старта время и с парной четверкой. Наметили с Беленковым план тренировок. О форсировании нагрузок и речи не было. Тренеры постарались вывезти своих учеников на пик формы именно к отборочным стартам, когда решался вопрос: кто попадет в сборную? Теперь оставалось удерживать ребят на этом уровне, ликвидируя огрехи в технике и подбирая из кандидатов сильнейшие экипажи.

И понять бы, догадаться в тот момент, что мои-то ребята "стрельнули" не на взлете, а на последнем издыхании: еще день-два - и могли бы в финал

отборочного турнира не пробиться. Что им сейчас полный отдых нужен, чтобы хоть как-то силы восстановить. Но я этого не видел и не чувствовал, а они, привыкшие к нагрузкам, - тренировались наравне со всеми, даже не подозревая, что вот-вот наступит спад.

Он и пришелся на самый ответственный старт. Экипаж двойки будто по земле проволочил свою лодку в полуфинале и очутился вне решающего заезда. Зато четверка, на удачное выступление которой мало кто рассчитывал, к немалому моему удивлению, завоевала бронзовые медали - спортсмены максимально использовали свои возможности, проявив при этом неплохую морально-волевую подготовку, и сделали практически все, что могли.

Экипаж двойки тоже сделал все, что мог. Но если физических сил нет, то и сила воли не поможет. Помню в кровь искусанные губы и почерневшие лица моих учеников после заезда, ставшего для них последним на чемпионате. Отругать их за плохую греблю было проще всего. Но я бы себя уважать перестал. Потому что главным виновником поражения был их тренер, то есть я.

И вновь всплыли в памяти "минус девять из двенадцати". И я понял, что загнал своих учеников. Отец оказался провидцем в предостережении, которое, однако, вовремя не осело в моей голове. Я предложил ученикам ту же программу, что выполнял сам в их годы. Но забыл, что в отличие от этих юных матросиков во мне уже была заложенная отцом функциональная, техническая и общефизическая база. Впервые сел в лодку, когда мне исполнилось 10 лет. И я не просто увлекался, а серьезно занимался лыжами, баскетболом, русским хоккеем, легкой атлетикой, плаванием... У большинства же ребят из того первого моего набора такой закалки не было и в помине, хотя выглядели они здоровыми, крепкими, рослыми юношами, казалось, природой созданными для побед в академической гребле. Я же дал им такую "кровлю", что не выдержал "фундамент", Захотел успеха, а поспешность обернулась самым горьким в моей тренерской жизни уроком.

Я невольно стал тем самым учителем, который ломает - не подстраивает, а именно ломает ученика под себя. Это часто случается с известными спортсменами, только что перешедшими на тренерскую работу. Поэтому и был однажды приятно удивлен, когда прочитал ответ знаменитого пловца, трехкратного олимпийского чемпиона Владимира Сальникова на вопрос газетчиков, думает ли он быть тренером после завершения спортивной карьеры. Двадцатилетний Сальников сказал, что об этом думать ему рановато, но в принципе никогда не позволит себе встать в роли тренера на бортик бассейна, если поймет, что его огромный спортивный опыт, его плавательное "я" волей-неволей начнет подстраивать учеников под Сальникова-спортсмена. Молодец, парень. Не зная Сальникова как человека, я его уже заочно уважал за такие слова...

Но ломка ломке тоже рознь. Если мальчишка по-настоящему предан своему виду спорта, от физических нагрузок он в конце концов отойдет и еще заявит о себе. Куда хуже, когда начинаешь лепить из ученика "второго себя" - как сам играл, греб или бегал. Да, есть какие-то общие для всех рекомендации,

есть основы классической, наиболее рациональной техники, но нет двух одинаковых индивидуальностей.

Острая проблема бывших гребцов - учить, как ты греб, или нет? К счастью, меня она не коснулась. Хотя правдивее будет сказать -я вовремя оставил мысль стричь учеников под одну гребенку, пытаюсь создать из них близнецов.

Когда начинаешь объяснять молодым основы техники, то на первых порах, что ни говоришь, у них все получается наоборот. Но в этом "наоборот" обязательно и проявится непохожесть их друг на друга. Вот Игорь Ярков, член сборной страны. Считаю его самым одаренным из всех своих учеников. Он из первого набора, из тех двенадцати матросов, с которых и начинался мой самостоятельный тренерский путь. Игорь входил и в экипаж парной двойки, которая моими стараниями провалилась на чемпионате мира среди юниоров. Но так или иначе, мы росли с ним вместе: он как гребец, я как тренер.

Игорь попал ко мне в группу уже что-то умеющим: начинал тренироваться у Саши Мартышкина, моего товарища по ЦСК ВМФ, члена знаменитой восьмерки нашего клуба, участника Олимпийских игр в Мехико и Мюнхене. В Мексике Александр стал обладателем бронзовой медали в составе восьмерки "Жальгириса", которую возглавляли выдающиеся литовские гребцы Зигмас Юкна и Антанас Багдонавичус. Вспомнил о них не случайно. Юкна и Багдонавичус когда пришли в сборную, то своей ортодоксальной техникой гребли внесли переполох, нарушив установившиеся каноны классического стиля. Это было за восемь лет до того, как я попал в главную команду страны. Недавно купил книгу Багдонавичуса "Взгляд с берега". Предисловие к ней написал Анатолий Сасс. Вот строки из этого предисловия:

"В 1959 году они (имеются в виду Юкна и Багдонавичус) попали на солидный тренировочный сбор гребцов - было это в южном портовом городе Потти. Мы, московские и ленинградские гребцы, посмеивались, наблюдая за их тренировками. Наши тренеры - метры академической гребли - прививали вкус к тончайшим мышечным ощущениям, к ювелирной работе веслами, а вот двум литовским спортсменам, создавалось впечатление, были абсолютно безразличны эти нюансы. Прежде всего они стремились к длинной, мощной проводке весел в воде, и так старались при этом, так тянулись вперед - подальше вывести руки за уключины, что спины их скрылись между коленками. За эту манеру грести их в Потти прозвали "кузнечиками". Тогда многие из нас не понимали, что стиль этот перспективен, что он откроет новую эру во взглядах на технику движений..."

В нескольких словах - чем "ортодокс" отличался от "классики". Как вы, наверное, знаете, родоначальники академической гребли - англичане. От них-то и пошло: спина прямая, закрепошенная, а основная работа при гребке - это работа ног и рук. Шли годы, "классика", конечно же, видоизменилась, но не настолько, чтобы напрочь отойти от привычных канонов. Наука свою лепту внесла. Математики и физики вычислили, к примеру, что больше толку от подвижных подножки и уключин. Если раньше во всех классах академических судов банка - сиденье для гребцов - делалась скользящей и определяла момент "сжатия" спортсмена перед началом гребка, то теперь некоторые

одиночники стали делать наоборот - неподвижную банку и скользящие подножки и уключины. У нас первым это опробовал серебряный призер Московской олимпиады Василий Якуша.

Академическая гребля в основе своей довольно консервативна, и то, что устраивает одних, не, подходит другим. Тем более что после чемпионата мира 1983 года Международная федерация гребли (ФИСА) запретила это техническое новшество, вернув все на круги своя. Но опять же это не значило, что технические новшества торпедировали "классику". Я, например, в классической манере греб, но более раскрепощенной, что ли. У Сасса была очень своеобразная гребля, хотя ортодоксальной не могу ее назвать. Но что было в технике Фомича немало фирменного, присущего лишь ему - это точно.

И вот "по наследству" от Александра Мартышкина ко мне переходит Игорь Ярков - по натуре прирожденный лидер. Уже в этом внутреннем отношении к гребле мы поняли друг друга с полуслова. Начали работать над техникой. Я его сразу загребным посадил. Загребной - в двойке ли, в четверке, в восьмерке - главное действующее лицо: он и темп задает, и основным мозговым центром является. Поэтому и внимание к нему особое, более пристальное.

На первой же тренировке отметил у Игоря его собственную манеру грести. Хотя, с моей точки зрения, гребца Александра Тимошинина, Яркое что-то делал неправильно. И возникла проблема: вдалбливать ему мое или оставить все как есть? Месяц различными заданиями проверял жизнестойкость его самобытной гребли. В итоге оставил все как есть. И был доволен, что Игорь не пытался копировать в лодке своего тренера. А ведь и с этим явлением пришлось столкнуться. Случалось, что кто-либо из учеников бессознательно начинал перекладывать мою манеру грести на свою, упраздняя штришки, лишь ему присущие, и не помогая своему спортивному росту, а замедляя его. Тогда поступал так: несколько дней парень просто катался на одиночке. И все, что было неорганичным именно для его гребли, не затвердевшим еще в сознании, слетало, как осенняя листва. Когда вновь проявлялось свое, то продолжалась и дальнейшая работа над техникой.

Не удержался и показал написанное жене. Было любопытно, что она скажет. Наталья изучила внимательнейшим образом каждую страницу и спросила:

— Тебе не кажется, что как таковой, по твоему определению, "ее величества академической гребли" здесь нет? А есть твое личное отношение к людям - труженикам и рыцарям гребли - и субъективное твое понимание каких-то явлений и событий, происходящих в академической гребле с того момента, как оказался в ней. Но вправе ли ты не вспомнить о своих знаменитых предшественниках?

Вопрос был задан и требовал ответа.

— Понимаешь, я не ставил перед собой задачи совершить экскурс в историю развития академической гребли. Во-первых, не хотел повторяться. Книг о гребле вышло множество. Написали их великие тренеры и великие

спортсмены. Не буду вспоминать все печатные труды, посвященные нашему виду спорта, но, к примеру, перед Олимпиадой-80 увидела свет книга первого олимпийского чемпиона среди советских гребцов-академистов Юрия Тюкалова "От одного до восьми". Он построил повествование на фактах из истории гребли и воспоминаниях о ведущих наших мастерах всех поколений.

Во-вторых, главным для меня было дать психологический портрет академической гребли, через частности показать целое. В меру способностей я и постарался воплотить намеченное. Хотя сейчас, в разговоре с тобой, убедился, что без примеров из победной истории отечественной школы не обойдусь, что "повторение" это просто необходимо. И знаешь, оно будет предназначено прежде всего молодым ребятам, кто делает первые шаги в академической ли гребле, или в каком другом виде спорта.

...Олимпийские игры 1952 года в Хельсинки - дебют спортсменов Советского Союза на летней Олимпиаде. Московская восьмерка "Крыльев Советов", киевляне Игорь Емчук и Георгий Жилин, выступающие в парной двойке, и одиночник Юрий Тюкалов уже после предварительных заездов заставили заговорить о нашей гребле как о непонятно откуда возникшем "чуде". Тюкалов своим "золотом" устроил смену погоды в олимпийском бюро прогнозов.

Когда я мальчишкой только-только начинал грести, то часто слышал от отца об Александре Долгушине, сильнейшем гребце страны предвоенной поры. До сих пор образ Долгушина, которого видел лишь на фотографиях, ассоциируется у меня с гражданским величием спортсмена. Он ушел на фронт добровольцем в июле сорок первого, вместе с другими известными нашими спортсменами, составившими ядро легендарного ОМСБОНа - отдельной бригады особого назначения. Воевал как герой и погиб как герой в июне сорок третьего.

Отец рассказывал, что неофициальный рекорд Александра Долгушина, установленный на одиночке в 1938 году на Москве-реке, продержался до 1952 года, когда на три десятых секунды превзошел его Юрий Тюкалов.

Характер спортсмена. Именно в нем я вижу основу побед. Можно, чувствуя свою силу, "прогуляться" в финале и выиграть. Назову это везением или стечением обстоятельств. Но когда проходишь дистанцию выше своих возможностей и завоевываешь любую (совсем необязательно золотую) медаль, назову эту победу проявлением характера, присущего личности. Примеров из практики гребных соревнований могу привести тысячи. Сам учился на них, затем учил своих ребят...

В 1964-м, в Токио, Борис Дубровский и Олег Тюрин выиграли у американцев Кромвэлла и Сторма, высоченных атлетов ростом каждый за два метра. На тренировках и в предварительных заездах американцы демонстрировали мощную, слаженную греблю, и казалось, соперничать с ними на равных не сможет никто.

Рост и вес спортсменов в академической гребле имеют огромное значение: масса экипажа придает ходу лодки накатистость, а чем длиннее руки, тем лучше рычаги для весел. Дубровский и Тюрин по гребным меркам были мелковаты: ростом где-то под сто восемьдесят сантиметров и незначительным "боевым" весом.

"Малыши" обычно берут свое за счет абсолютной слаженности действий и максимального темпа. Вот темпом-то Дубровский с Тюриным и взяли. Со старта "повезли" американской двойке восемь десятых секунды преимущества. Всего восемь десятых - вдох-выдох и то дольше длится. А такой разрыв на пути в две тысячи тяжелейших метров иначе как мгновением не назовешь. Один гребок решал судьбу лидерства. И психологически Борис и Олег сломали Кромвэлла и Сторма лишь метров за пятьдесят до финиша.

Дубровский и Тюрин победили, проявив характер. Хотя все объективные предстартовые показатели голосовали против. И будь спорт уделом ЭВМ, вопрос о чемпионе разрешился бы еще на берегу. Вычислительные машины в своих предсказаниях потому ошибаются, что сердце атлета, его нервная система, а значит, и психологическая, морально-волевая подготовка уму компьютера неподвластны.

За примером далеко ходить не надо. В 1972 году на олимпийской регате в Мюнхене мы с Геней Коршиковым в финальной гонке воспользовались, по сути дела, тем же тактическим вариантом, что и Дубровский с Тюриным: с первого и до последнего метра дистанции в максимальном темпе "убегали" от норвежцев Хансена и Торгенсена. Сыграли ва-банк против заведомых лидеров финала (к слову, они мало в чем внешне уступали американцам, соперникам Бориса и Олега), не зная, выдержим ли до конца это чудовищное напряжение. Чувствуете антилогику: были уверены, что выиграем, но не знали, как закончится для нас гонка. Но этим-то и отличаются люди от машин. Так мы отомстили ЭВМ, которая накануне регаты определила нам шестое место, последнее в финале...

Иногда случается, что, погнавшись за журавлем, упускаешь синицу, которую держал в руке. Не раз и не два слышал, как тренеры ругали за эти якобы тактические просчеты своих учеников. Следуя логике медалей и очков, они, наверное, были правы. Но я никогда с подобной логикой не соглашусь. Потому что всегда был максималистом в достижении цели, им и остался в своей тренерской работе. И никогда не смогу сказать гонщику - не борись за победу. Если не готовиться к этой борьбе, то зачем вообще выходить на старт?

Не противореча себе, скажу, знаю, что такое авантюризм во время гонки, и категорически против него. Предвижу вопрос, который я спровоцировал этим заявлением:

— А разве ваша с Коршиковым игра ва-банк на Олимпиаде в Мюнхене не являла собой ярчайший пример авантюризма? Вы выиграли, но с таким же успехом могли бы и соответствовать прогнозу ЭВМ.

Могли бы мы проиграть? Сейчас, вспоминая то свое предстартовое состояние, в котором переплелись ожидание гонки и чувство высочайшей ответственности за успешное выступление, как ни стараюсь, не могу представить, что случилось бы это. Ни о чем, кроме "золота", мы не думали. Думали о самой гребле, которую предстояло показать, чтобы "золото" стало осязаемым. Но если отвлечься от эмоций, то, как вы понимаете, от поражения никто из участников финала застрахован не был. Повторюсь: спорт есть спорт.

А теперь о проявлении авантюризма в спорте. Для меня авантюризм - это когда думаешь о победе . и пытаешься достичь победы, будучи не подготовленным к борьбе за нее ни морально, ни физически. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Истина. Не поспоришь. Но мечтать мало, надо сделать себя под стать мечте, тогда она сбудется.

Когда шесть парных двоек застыли в Мюнхене у стартовых плотиков перед началом решающей гонки, то на чемпионский титул объективно претендовала каждая. Сквозь сито олимпийских отборочных заездов случайно не проскользнуть. Понятие "сюрприз" здесь не синоним "случайности". У любого из шести экипажей был тщательно спланированный путь к первому месту. Другое дело, что одни избрали для себя более рискованный вариант достижения цели, другие - менее. Мы же с Коршиковым в итоге попали в свой "максимум", полностью реализовав морально-волевой и физический потенциал. Как видите, никакого авантюризма.

Как тренер, кое-что уже знающий, иногда вынужден напомнить ученикам, что если их желание победы никак не состыкуется пока с реальностью, то отдает это самой настоящей авантюрой и возможны довольно печальные последствия. Вот - сильный одиночник после травмы или болезни только начинает входить в форму. А тут подоспели соревнования. Я ему говорю:

— Сейчас задача выиграть не ставится перед тобой. Технику надо проверить и силы. Помни - заведешься, кроме беды, ничего не будет. Ты пока просто не готов к борьбе с тем-то и тем-то.

Он в ответ кивает - мол, понятно, а у самого глаза горят от азарта и мысли о предстоящей борьбе.

Вспоминаю себя: если вышел на старт, борись, все сомнения и недуги оставив дома. И знаю, что сегодня этот парень у меня в гонке не пойдет.

Обиды начинаются чудовищные:

— Александр Иванович, значит, вы в меня не верите, не хотите понять, насколько важен для меня именно этот старт, я отлично себя чувствую, я готов...

— Значит, все-таки готов?

— Нет, вы меня не так поняли...

Не знаю, можно ли назвать везением, что почти все ребята, которых довелось учить гребле, были максималистами в нашем любимом виде спорта, обладали горячими, порой безрассудными головами и жгли себя, не жался, не оставляя на потом. Когда доказывал, что надо быть бережнее к себе, то ответом мне были лишь непонимающие взгляды. А я злился: ведь это было понять намного легче, нежели противоположное. И в то же время был счастлив от их максимализма и жажды борьбы. Хладнокровие приходит с опытом.

Возвращусь к примерам. Заявляю своих ребят на соревнования в столь солидную компанию, что на победу у них нет ни малейшего шанса. Они не идеалисты и тоже это понимают. Но сегодня мои воспитанники для себя по-настоящему сильны. И мне не надо напоминать, что жду от них. Они настроены на победу, они от стыда умрут, если проиграют сами себе, поэтому и не берегутся, поэтому с первых же метров идут в атаку...

Готов к тому, что меня снова обвинят в чистой воде авантюре: бороться за победу, зная, что не достичь ее.

Слышал и такое от людей, в спорте несведущих и не понимающих, что движение в спорте - к рекордам и победам, - равно как и становление личности человека через спорт, возможно лишь в борьбе, и прежде всего с самим собой. Критерий один - внутренняя готовность.

В свое время Вячеслав Иванов "учился" на Юрии Тюкалове. Затем целое поколение, и я в том числе, "училось" на Иванове. И, проиграв ему секунд двадцать, молодой гонщик не стеснялся смотреть в глаза своему тренеру.

Сегодня отменил тренировку на воде. Увидел ребят какими-то сонными и потухшими и вдруг неожиданно для себя сказал:

— Вместо воды будет футбол.

Настроение поднялось. Отыскали в личном резерве работников спортбазы мяч и заняли его под честное слово, что вернем в целостности и сохранности. Хотя мяч тот и ударить-то было страшновато: потрескавшаяся крышка, сквозь прорезины швов выпирает камера, кажется, чуть ткнедаь - и готов! Сначала мы его берегли, а когда вошли в азарт, он заметался, как шарик для пинг-понга, под ударами сорок шестых размеров.

Играли трое на трое, на пятачке размером с баскетбольную площадку и с воротами из легкоатлетических барьеров. Я ребят предупредил, чтобы поосторожнее лупили, а то без ног друг друга оставят. Но куда там - устроили настоящую рубку. Как без травм обошлось, не знаю. Координация движений, мягко говоря, оставляла желать лучшего, зато удар - что надо.

Когда на мгновения отвлекался от игры и смотрел на футбол в нашем исполнении, то холодело сердце и вспоминал, что я тренер и тренирую

гребцов, а не футболистов, и мой тренерский долг повелевал поставить точку, пока не поздно. Но долг долгом, а через секунду я громогласно требовал мяч и, получив пас, рвался к воротам, увертываясь от подкатов и силовых приемов, и, забив гол, радостно орал наравне с ними, моими учениками. Они и я были по-ребячьи счастливы и наслаждались игрой от души, освобождаясь от психологической усталости, от долгих, трудных и монотонных тренировок.

Два часа футбола до полного физического изнеможения, казалось, должны были отбить у моих орлов охоту двигаться по крайней мере дня на два. Но тем же вечером лодки просто летели, а на плоту - до и после тренировки - то и дело вспоминались моменты утреннего матча, в котором перемешалось так много смешного и приятного. Этим примером хочу лишний раз подчеркнуть необходимость разрядок в ударных тренировочных циклах.

Как готовить кандидатов в сборную команду?

Отойду от тренерских методик, которых множество. А вот направлений в подготовке высококлассных гребцов ныне два.

Первое - провести спортсмена через все возрастные группы: детскую, юношескую, юниорскую, молодежную, взрослую, с постепенными нагрузками и закладкой базы техники. Второе - начинать работу со здоровыми, крепкими ребятами в возрасте восемнадцати-двадцати лет, с подходящими для академической гребли антропометрическими данными. Но назову, предположим, первый вариант единственно верным, а второй - никуда не годным. Многие известные гребцы последних лет: Василий Якуша, серебряный призер Олимпиады-80 среди одиночников, экипаж распашной двойки в составе Геннадия Крючкина и Василия Переверзева, Сергей и Петр Кинякины - как раз представители второго направления. Поставлю вопрос так: какое из направлений считаю более правильным?

Я считаю, что школа необходима даже тем, кто сверходарен талантом гребца и сверхвынослив физически. Хотя основной минус ускоренного метода обучения вижу все-таки в его психологическом воздействии на личность спортсмена. Пока отменное здоровье помогает справляться с тренировочными нагрузками и парень познает прелесть побед, все хорошо: он заряжен на тренировочную работу, ждет не дождется соревнований. Но вот приходят первые неудачи. Раз проиграл, два проиграл... и задумался: надо ли вообще продолжать заниматься видом спорта, к которому не прикипел с детства, который не стал для него чем-то неотъемлемым? А тут от усталости, которая неизбежна при ускоренном методе подготовки, "посыплется" техника гребли. Навык-то ее не затвердел, стереотип не выработался... Приходится начинать все сначала.

Ускоренный метод хорош для решения сиюминутных задач. Гребцы, достигшие при его помощи сборной, пока что не могут продержаться в команде даже четырехлетие, разделяющее Олимпиады. Конечно, есть среди "скороспелок" исключения, но столь редкие, что подчеркивают само правило. И еще одно существенное, на мой взгляд, дополнение к сказанному: ускоренный метод решает единственную проблему - подготовку на сегодня сильных мастеров для сборной команды страны. Не могу не согласиться, что

он хорош для продолжения победных традиций отечественной гребли. Но именно к базовому развитию нашего вида спорта имеет минимальное отношение.

Евгений Борисович Самсонов иногда отправлял нас, своих учеников, в "свободный поиск" по московским общеобразовательным школам - искать и агитировать мальчишек "за академическую греблю", как сказали бы в Одессе. Я говорю это к тому, что гребля, к сожалению, не так популярна в ребячьей среде (замечу, что и отношение родителей к ней очень осторожное), как футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, фигурное катание. Хотя грести любят все - и дети, и взрослые.

Сами видели, какие очереди из желающих покататься на лодках выстргиваются у гребных станций в летние дни. Истинно всенародная гребля. А отдых на свежем воздухе как замечателен после трудовой недели - рядом с прохладной водой, и не в статике, а в движении, с активной мускульной нагрузкой. Заодно и посоревноваться можно.

Народная гребля с каждым годом приобретает в нашей стране все большую популярность. Возглавляет федерацию народной гребли олимпийский чемпион Мельбурнской олимпиады в академической двойке парной Александр Николаевич Беркутов. Добавлю, что немало известных гребцов-академистов, особенно в классе распашного весла, серьезно увлекались народной греблей...

Итак, мы ходили по школам и приглашали ребят в детские гребные секции. И знаете, я меньше всего думал о внешних данных мальчишек и девчонок. Главным было ощутить, что их душу затронул рассказ о прекрасном виде спорта, что, еще не зная его, они уже чуточку полюбили; совсем немного, на капельку, но испытали то чувство, каким был наполнен я, готовый даже стихи слагать в честь академической гребли.

Гребля разборчива и очень быстро проверяет характер новичков. Кто-то не выдерживает ожидания первой посадки в лодку, потому что, к примеру, в футболе попроще - пришел в секцию и сразу мяча коснулся, а тут на берегу долго надо готовиться, общефизической подготовкой заниматься. У кого-то тренировочный пыл остывал после первого вынужденного купания, особенно по весне или по осени, когда вода холодна. В общем оставались ребята с характерами спортсменов-гребцов, которые могли стать и становились гонщиками. Не все они добивались успехов в спорте, но яркими поклонниками академической гребли остались навсегда. И не думаю, что когда-нибудь они сомневались в выборе своего "внеклассного" увлечения и жалели о зря потраченном времени. Потому что закалку получили отличную - и тела, и характера. Здоровье приобрели, себя познали, личностями стали. Да, как ни громко звучит это заявление - стали личностями, уважаемыми людьми. И во многом благодаря ее величеству академической гребле.

Глава 3.

Как просчиталась ЭВМ

1972 год, год Олимпиады в Мюнхене, начался для меня в октябре 1971-го, когда приступил к тренировкам олимпийского сезона. Цель перед собой поставил, как был уверен, вполне реальную: стать первым среди одиночников страны и в этом ранге отправиться на Игры. Пахал по-черному.

Пусть вас не удивляет фраза, казалось бы, не очень-то приемлемая для письма: "пахать по-черному" - выражение из спортивного слэнга. И что означает, объяснять, думаю, не надо. Лучше расскажу один случай. В сборной команде по водному поло, в том ее составе, который под руководством Бориса Никитича Попова выиграл "золото" на Олимпиаде-80, а затем - дважды Кубок мира, играл ватерполист из алма-атинского "Динамо" Сергей Котенко. Как-то я попал на тренировку сборной и слышу: кто бы из игроков к Котейко ни обратился, Пашкой его называет, а вскоре и голос Попова прозвучал: "Паша, смена, отдохни". После тренировки спросил у своего друга Саши Кабанова, бессменного капитана сборной последних лет:

— Слушай, запутался, Котенко - Сергей или Павел?

Кабанов улыбнулся.

— По паспорту Сергей.

— Тогда почему вы его Пашкой зовете?

— Глагол есть такой - пахать, - продолжил улыбающийся Кабанов. - Сам знаешь, без настоящей тренировочной работы в большом спорте долго не продержишься. Вдобавок, если таланта у тебя поменьше, чем у другого игрока, претендующего на место в сборной. Каждый из нас на себе испытал, что такое "пахать". Котенко в этом деле равных нет. Отсюда и пошло - пахарь, пашка. Даже имя собственное получилось. И ведь это не просто так, придумка - это, если хочешь, титул почетный, добрый и уважительный. И заслужить его непросто.

Так вот, с октября 1971-го я заставил себя "пахать по-черному". Тренировался по пять-семь часов в день. Общефизическая подготовка, лыжи, тренажерная подготовка. И уже зимой, на Мингечаурском водохранилище, где по традиции проходил учебно-тренировочный сбор, лодка, чувствуя, пошла.

Евгений Борисович Самсонов, увидев это, сказал:

— Начало есть. Теперь осталось закрепить найденное. Работай.

Подытоживали зимний тренировочный цикл минге-чаурские гонки. Я выступал в одиночке. Одну гонку выиграл, другую проиграл Юре Малышеву. С этого момента и начался наш спор за лидерство в сборной олимпийского образца. И барьер, перекрывший путь к исполнению самой большой моей мечты - выиграть "золото" Игр на одиночке, поставил не кто-нибудь, а Юрий Малышев, мой хороший приятель.

Малышев по сравнению с лучшими одиночками мира (скажем, за последние пятнадцать-двадцать лет) выглядел, пожалуй, самым хилым - рост 179, вес - 77. Даже невысокий, по нынешним гребным меркам, Юрий Тюкалов, обыгравший в Мельбурне австралийца Вуда, и то был мощнее Малышева. Я уж не говорю, что олимпийские чемпионы после Тюкалова - Иванов, голландец Венезе, финн Пертти Карппинен - в плане атлетизма имели бы перед ним преимущество изрядное. Да и главный соперник Юры и Мюнхене - аргентинец Альберто Демиди был поздоровее, к тому же обладал финишным рывком, который Малышеву и не снился.

К тому же мягкий, прямой, доверчивый и, казалось, лишенный честолюбия парень из подмосковного города Химки, где гребля и гребцы в большом почете, ну никак не вписывался по своему характеру в элиту одиночников. Они все себе на уме и хитрованы большие. Об Иванове я рассказывал, он - классический пример. А чего стоит "шутка" Карппинена, на вид простоватого двухметрового увальня из Финляндии, пожарника по профессии. Первое "золото" олимпийской пробы он добыл в Монреале. История эта похожа на юмористический рассказ.

В олимпийской деревне тихо и скромно жил молодой гонщик, смущенно объясняющий всем, что, хотя он и победил несколько месяцев назад на международной Большой московской регате, это ничего не значит, и он приехал на Игры учиться мастерству у признанных фаворитов, к примеру у талантливого гребца из ФРГ Петера-Михаэля Кольбе, который в семьдесят третьем году на торжественном открытии гребного канала в Крылатском выиграл чемпионат Европы, а через два года в английском городе Ноттингеме стал чемпионом мира. Но к вечеру в общем-то мало кому известный финн расставался со своей скромностью аскета, и его можно было застать за кружкой пива или рюмкой отнюдь не кока-колы в баре или же отплясывающим в дискотеке. Когда он все-таки пробился в финал, многие подумали, что шансов в борьбе с Кольбе у Карппинена нет, а ночное веселье ему в финале и припомнится. В решающей гонке Кольбе шел в лидерах две трети дистанции, пытаясь оторваться от финна, который спокойным накатистым ходом трепал ему нервы выполнял роль пастуха. А когда пришло время финишного рывка, Карп-пинен неторопливо приналег на весла и ушел от Кольбе, издерганного собственными рывками.

Со смущенной и радостной улыбкой после награждения финн позировал перед фотокорреспондентами, а чуть поодаль не менее радостно улыбался его родной брат, удивительно похожий на Пертти, один из запасных финской гребной сборной. И конечно, это он нарушал предстартовый режим, когда Пертти серьезнейшим образом готовился к борьбе за чемпионский титул, подыгрывая их с братом затее тем, что не особенно выкладывался в

предварительном и полуфинальном заездах. Вот какую историю мне рассказали очевидцы олимпийской регаты в Монреале, и я поверил в ее правдивость, потому что одиночники - самый ушлый среди гребцов народ...

Чем же добился Малышев того, что в честь его олимпийской победы над каналом Фельдмохинг прозвучал гимн нашей Родины? Мягким, но одновременно твердым, как кремень, характером гонщика и настолько рациональной техникой гребли, что "малыш" Малышев шел дистанцию в более редком темпе, чем Демиди, хотя по логике преимущество Юре могла принести лишь частота гребка. Но малышевская лодка, словно невесомая, летела по глади канала в отличие от лодок соперников.

На 1972 год пришелся расцвет и пик таланта гребца Юрия Малышева. Умнейший тренер Евгений Владимирович Сиротинский пестовал Юру долго, невзирая на его болячки (а во всевозможных травмах Малышев, так уж получалось, был довольно постоянен). Но несколько лет подряд всегда находился среди одиночников кто-то посильнее его ученика, и приходилось им в новом сезоне искать новые доказательства и новые козыри. Кстати, руководство сборной долго не верило, что Малышев сможет оказать достойную конкуренцию лидерам мировой гребли. И когда в 1970-м на чемпионате мира в канадском городе Сент-Катарине Малышев, попав в финальный заезд, остался без медали, это мнение лишь укрепилось.

Но. в предолимпийском сезоне Юра выиграл Спартакиаду народов СССР, оставив на втором месте Эдуарда Ждановича и на третьем Геннадия Коршикова, и хочешь не хочешь, но тем, кто было махнул на него рукой, вновь пришлось с ним считаться. Помню, все ждали начала олимпийского сезона, надеясь, что вдруг отыщется кто-либо подостойнее, попредставительнее и поудачливее Юрки, чтобы продолжить победы Тюкалова и Иванова. Я сам был не прочь претендовать на роль "олимпийского сюрприза". Но пришел звездный час Юры. Он долго разгонялся и вышел на свой пик, отправив меня снова в парную двойку.

После мингечаурских гонок наш спор продолжился на весенней Московской международной регате. Приехали иностранцы, сильные одиночники. Но мы не думали ни о ком, кроме как друг о друге. В финале я выиграл у него секунду. Результаты показали хорошие, и тренеры сборной приняли соломоново решение: если есть два претендента на единственное место в олимпийской команде, то их надо испытать в борьбе с лучшими гонщиками мира. Я поехал на регату в ФРГ, а Малышев - в ГДР. Оба выиграли. Опять равновесие. После на родине академической гребли, в Англии, на знаменитой Хенлейской регате, я впервые и пока что единственный среди советских гребцов-одиночников завоевал "Бриллиантовые весла", а Малышев тем временем на Люцернской регате показал феноменальный результат - 6 минут 56 секунд, лучший результат сезона в мире.

Когда я узнал об этом, то по-доброму позавидовал. Честно говоря, не укладывалось в голову, как он умудрился проскочить две тысячи метров с такой скоростью. Зарубежная гребная пресса, ошеломленная его результатом, пыталась выстроить хоть какую-то логическую цепочку, но очень скоро свела

все к случайности и везению, так что репутация фаворита олимпийского сезона в одиночке не закрепилась за Малышевым. Но я в случайность его блестящей победы не верил. Каждому из нас может повезти и везло, но результат - это объективный показатель формы и мастерства. Не под парусом же Юрка шел. И теперь наш спор должен был решить чемпионат страны - последний отборочный турнир перед Олимпиадой.

Однако не могу не вспомнить о Хенлейской регате. В разные годы наши экипажи доек, четверок, восьмерок возвращались из Англии с кубками за победы в своих классах. Лишь одиночники ходили в неудачниках. Даже Вячеславу Иванову не удавалось выиграть в Хен-лее. Говорю об этом не потому, что я сумел добыть для страны "Бриллиантовые весла", а потому, что победа на Хенлейской регате - мечта любого гребца из любой страны.

Эти состязания впервые увидели свет в 1839 году и до сих пор считаются наиболее популярными, престижными и... необычными по своему регламенту среди международных гребных регат. В Англии академическая гребля возведена в ранг национального вида спорта, что, впрочем, неудивительно, ибо она там родилась. А состязания одиночников регулярно проводятся аж с 1715 года!

Хенлей - небольшой городок на берегу Темзы, в пятидесяти пяти милях от Лондона. Регата - праздник Хенлея. В эти дни сюда съезжаются поклонники академической гребли со всей Англии. А так как академическая гребля - хобби из дорогостоящих, то на уик-энды регаты собирается весь цвет английской аристократии. Сама королева Англии не только присутствует на регате, но и вручает призы победителям, ну и понятно, что вокруг королевы - весь двор.

Хенлейская регата - регата традиций. Спортивная ее часть как бы венчает карнавал гребного спорта, в котором особенно красочна и неповторима демонстрация мод одежды, лодок, стилей гребли трех веков, начиная с тех времен, когда англичане придумали выявлять сильнейших гребцов. И все это показывается в лодках.

Котелки, бабочки, снежной белизны манишки, фраки, шляпы канотье, шляпы-клубы, кожаные штаны и куртки цеха перевозчиков, бежевые длиннополые сюртуки, клетчатые зауженные брюки и небрежно повязанные шелковые шейные платки... Иной раз поражаешься: неужто в этой одежде люди садились в лодки и даже соревновались? Много молодежи. Студентов. Особенно из двух привилегированных университетов - Кембриджского и Оксфордского, в которых гребной бум длится более полутора веков, а ежегодный заезд восьмерок Кембриджа и Оксфорда по Темзе всегда событие в спортивной жизни Англии.

По правилам Хенлейской регаты в каждом из заездов участвуют по два экипажа. Дистанция не классическая - 2111 метров от одной плотины до другой, дорожки не размечены, и, если вышел вперед, можешь "тормозить" соперника как угодно.

На берегу метров за двести до финиша начинаются трибуны, а болельщики, предпочитающие наблюдать за поединками из собственных лодок, прогуливаются по воде вдоль ограждения из бревен. И что еще интересно: грохот труб и барабанов, взрывы петард и разноголосица стихают, как по мановению волшебной палочки, когда гребцам дается старт. Но стоит уйти на дистанцию, то будто открывается какая-то шумовая заслонка, и воздух вновь разрывают миллионы звуков.

В тот олимпийский год от нашей страны в турнире одиночников участвовали Витаутас Буткус и я. Система соревнований такая: юноши свой приз разыгрывают, ребята студенческого возраста - свои, а так называемая элитарная группа, в которой выступают гребцы мирового класса, - главный приз. Понятно, что члены сборной команды Советского Союза приезжают в Хен-лей сражаться за главные трофеи.

На этот раз к борьбе за "Бриллиантовые весла" были допущены восемь человек. По жребию в четвертьфинале Витаутасу достался в соперники известный одиночник из Ирландии Сет Дрий, а мне - англичанин, студент Кембриджа, не вспомню сейчас его имя, но по международным меркам гребец не из сильных. Так что первый заезд меня особенно не волновал, уверен был, что не проиграю.

Старт и судейство обеспечивали представители "Ле* андр-клуба", одного из самых престижных гребных клубов Хенлея и Англии. Представители его носят розовые галстуки и розовые носки и обязательно - эмблему "Леандра" на синем клубном пиджаке.

Судейская коллегия располагается в гондоле, в которой по правому и левому борту занимают места тренеры и родственники спортсменов. Когда подошла очередь моего заезда, то центр тяжести гондолы сместился вправо, потому что места слева заняли лишь двое - главный тренер сборной Евгений Борисович Самсонов и переводчик. Казалось бы, ничего не предвещало Самсонову волнений от этой гонки. Но после второго фальстарта (при третьем снимают) Евгений Борисович недвусмысленно напомнил о своем присутствии: - Сиди и не высывайся! Пусть уходит! Стартер командовал на английском языке. А это непривычно. Ритмика не та. Официальный язык международных регат - французский, и "Эд ву прэ, месье?"

Партэ!" до такой степени засело в мозгу, что уже не в слова вслушиваешься, а в ритм команды.

Когда первый раз вырвался со старта на мгновение раньше, то улыбнулся про себя: мол, куда торопиться? Ну пусть англичанин вырвется вперед, все равно не спасет его это. И тут же... забыл о том, что секунду назад так доходчиво и правильно себе же объяснил. Опять сработал гонщицкий навык: вновь напрягся и, казалось, поймал момент "атаки с места", а на самом деле опять уехал раньше времени. Вот тут-то Самсонов и не выдержал. В третьей попытке я уже не слушал стартера, а ждал, пока заработает веслами соперник. Выждал, а затем без особого труда выиграл гонку.

На следующий день - полуфинал в соперничестве с одним из сильнейших одиночников США, Джеймсом Дитцем.

Четверть дистанции наши лодки идут нос в нос. Почти на каждом гребке Дитц чуть поворачивает голову в мою сторону, определяя, не задумал ли я убежать. Прodelываю то же самое, ожидая подвоха от умудренного в тактических ходах американского гребца, и жду момента, когда он хотя бы на мгновение забудет о моем присутствии. Наконец дожидаюсь, и все силы вкладываю в тридцать гребков, которые для большей верности отсчитываю чуть ли не вслух. Успеваю уйти на корпус вперед, пока американец включился в работу, и поставить лодку в фарватер его судна. Правилами это допускается, и нос лодки Дитца теперь рыщет в "ямах", оставляемых моим веслом, а я заодно контролирую каждое движение соперника.

Финальный заезд - против Сета Дрия, который двумя стартами раньше победил Буткуса, как ни странно, сложился легче. Задолго до финиша я вышел вперед и закончил гонку без спешки, дистанционным ходом.

Согласно церемониалу награждения королева Англии вручила мне переходящие "Бриллиантовые весла", которым год предстояло "пожить" в Советском Союзе. Опять же согласно церемониалу я поцеловал ей руку.

Завершая лирическое отступление о Хенлейской регате, постараюсь обрисовать сам приз. В бархатной коробке лежат два миниатюрных весла, сделанные из платины и окаймленные платиновым венком, а чуть сбоку в этом венке бриллиант в двадцать пять каратов. Как говорится, простенько, но со вкусом. Мне потом рассказали о смешном эпизоде, который произошел в музее спортивной славы в Лужниках, где поначалу был выставлен приз. Как-то привезли сюда туристов-англичан. И вот один из них как вкопанный застыл перед стеллажом и, не веря себе, повторяет: "Бриллиантовые весла", "Бриллиантовые весла". Ему говорят:

— Все верно. "Бриллиантовые весла", они и есть. Выиграны нашими гребцами на Хенлейской регате, у вас

на родине.

Он тогда и объяснил через гида свое восхищение:

— Я англичанин, - говорит, - всю жизнь в Англии прожил, греблей с детства увлекаюсь, о "Бриллиантовых веслах" наслышан, но впервые увидел их так близко. Хотя бы ради этого стоило приехать в Москву...

Но мой успех в Хенлее, как и феноменальный результат, показанный Малышевым в Люцерне, ничего не решил. В борьбе за единственную путевку на Олимпиаду мы с Юрой вышли на старт финальной гонки чемпионата страны в Серебряном бору. И как я его ни просчитывал, как ни следил за ним на дистанции, он финишировал первым и в гордом одиночестве. Семь секунд выиграл. Было отчего схватиться за голову. Переживал я сильно. Хотя и понимал, что у сегодняшнего Малышева вряд ли кто сможет выиграть не

только у нас в стране, но, пожалуй, и в мире. Слабым утешением было для меня и то, что, проиграв Малышеву семь секунд, почти столько же выиграл у Буткуса, занявшего третье место. Но второе, третье, равно как и сотое место, путевки на Олимпиаду не давали...

На следующий день мы готовились с Малышевым ид-

в парной двойке. Больше шансов попасть на Игры Т меня не было. Мы с ним еще перед началом чемпионата договорились: кто бы из нас ни выиграл одиночку, в двойке нужна только победа.

До этого мы в одной лодке не гонялись. И была нас перед стартом одна-единственная тренировка. Когда вышли на нее, то на катере нас сопровождала целая делегация: Евгений Борисович Самсонов, мой отец и тренер Малышева Евгений Владимирович Сиротинский. Юрка сел на место загребного, я - за ним. Прошли всего тысячу метров, чувствуем, лодка наша птицей летит, не остановишь. И тут же с катера раздался приказ старших: мол, поворачивайте назад, делать вам больше на воде нечего.

Гена Коршиков на этот раз в одиночке не выступал. Берег силы для двойки. Он и Николай Баленков составили отличный экипаж, успев стать бронзовыми призерами чемпионата Европы, и готовились нас "объехать". Победители и в этом классе, как и во всех остальных, получали право стартовать на Олимпийских играх.

Финал. Удивительно, но перед стартом испытывал какое-то необычное спокойствие: ни мандража, что сладковатым комочком подкатывает к горлу, ни легкого волнения - отличное рабочее настроение, когда чувствуешь каждую мышцу и знаешь, что в любой миг ты ее полновластный хозяин. А Малышев - так тот всегда спокоен. Тем более в нынешней ситуации, уже став олимпийцем.

На трибунах все ждали упорнейшей борьбы. Однако надеждам этим сбыться было не суждено. Наша лодка летела, как и на той единственной тренировке. После километра Коршиков и Баленков отставали ва пять секунд. Тут Юрка оглядывается и спрашивает:

— Ну что, Сань? Я ему в ответ:

— Что-что? Сам знаешь. Прибавляй.

То есть тысячу прошли, будто и не гонялись, - свеженькие, хоть заново на старт становись.

Вторую тысячу метров отработали в темпе, близком к финишному, оставив Коршикова и Баленкова далеко позади.

Итак, получилось, что парная двойка в составе Юрия Малышева и Александра Тимошинина завоевала право участвовать в олимпийской регате в Мюнхене. И все бы хорошо, если бы не одно "но"...

Закончился чемпионат, а у тренеров сборной нерешенных вопросов прибавилось. До отбора, казалось бы, не вызывал сомнений экипаж Коршиков - Баленков, и, наоборот, надо было что-то решать с одиночником. Теперь же ситуация изменилась в этих двух классах на сто восемьдесят градусов: кандидатура Малышева сомнений не вызывала, но кого тогда выставлять в двойке?

Юра сначала заявил Самсонову:

— Евгений Борисович, не сомневайтесь, меня хватит и в одиночке выступить, и в двойке. Я готов к этому.

Тут уж я в разговор вмешался, услышав, что Малышева начало немножечко заносить "на вираже" при оценке олимпийской ситуации.

— Юра, пойми, - сказал ему, - выступать на Играх и в одиночке, и в двойке крайне рискованно. Хотя и до тебя гребцы были не из слабых, но никто себе позволить подобного не мог, тем более думая об олимпийском "золоте". В байдарке - еще куда ни шло. Но там можно и по дням "развестись", и дистанция не две тысячи метров, в два или четыре раза меньше. То, что сейчас предлагаешь, означает заведомую потерю двух медалей. Я, например, на это не пойду, да и тебе не советую.

И вот после долгих тренерских раздумий решили мне в напарники определить Коршикова. Он сел загребным, я - привычным первым номером. Но как мы с ним ни старались, лодка день ото дня шла хуже и хуже. Тогда и попросил Самсонова:

— Может, мне загребным сесть? Хуже не будет, зато вдруг ход обретем?

— Давай, - согласился Евгений Борисович. - Заодно посмотрим, как Коршиков на первом номере чувствовать себя будет.

И надо же, после первой тренировки у нас получилось так, как когда-то с Анатолием Сассом. Лодка, правда, еще не летела, но ход ее мы почувствовали.

Все шло к тому, что, похоже, могла повториться ситуация четырехлетней давности, когда экспериментальная двойка Сасс - Тимошинин стала участницей Олимпиады. Только теперь роль Фомича в лодке была отведена мне. И хотя Генка уступал в возрасте лишь год, беспрекословно исполнял все, что я говорил. Я, пожалуй, так бы не смог, сорвался бы. А он молча делал все, что надо, хотя, знаю, не всегда разделял мое мнение. Но спасибо его золотому характеру - Коршиков сразу понял: начнись между нами ненужные разговоры, на них и кончились бы наши олимпийские надежды.

Но характер характером, а мастерство Коршикова тоже было отменным. Главное - школа чувствовалась, которую поставила его первый тренер Лариса Писарева. А что касается трудолюбия, так этому многим не помешало бы у Геннадия поучиться.

Не уверен, прав ли, но вижу много общего в спортивной судьбе Малышева и Коршикова. Оба не поражали своими физическими данными, долго выбирались из "вторых" и "третьих" в лидеры; оба обладали аналитическим складом ума, обстоятельно и неторопливо делали выводы из собственных ошибок.. Если же отдельно о Коршикове, то скажу, что ему не очень-то сладко пришлось: вокруг техничного, умного гребца то и дело возникали разговоры, что он обязан претендовать лишь на роль "звезды", и никак не меньше, и что таланта и сил у него для этого предостаточно.

Могу представить, как трудно Генке было остаться самим собой при этой дележке шкуры неубитого медведя. А ведь остался. И теперь наша лодка с каждым днем набирала скорость. Получалось даже лучше, чем у меня с Малышевым, когда выступали в финале чемпионата страны.

А Малышев тем временем творил чудеса на одиночке. Скоростные отрезки в его исполнении на тренировках продолжали удивлять тренеров и заставляли их гадать, продержится ли Юрка на пике формы до олимпийского старта или наступит вполне естественный спад. В ответ на эти сомнения его тренер Евгений Владимирович Сиротинский отвечал односложно:

— Продержимся.

Юра ходил цветущий и, как никогда, уверенный в себе и в своих силах. Однажды, когда после тренировки возвращались с ним в гостиницу, спросил:

— Ну, как успехи?

— Стараемся, - ответил я.

— Что главный говорит? Едете на Игры?

— Пока приглядывается.

— А сам-то что думаешь?

— Юр, спроси что-либо попроще, - сказал я.

— Смотрите-ка, - развеселился Малышев, - Тимо-шинин заскромничал, - и подытожил: - Значит, собрались за "золотом", - после чего, хитро улыбнувшись, добавил: - И все-таки признайся, в Мюнхене я мог бы и на одиночке пройти, и двойке. А?..

По сравнению с 1968 годом нас с Коршиковым никто не экзаменовал, и после нескольких тренировочных прикидок, когда шли две тысячи метров в

соревновательную силу, тренерский совет сборной проголосовал за наше участие в Играх.

Я знал, что еду на Олимпиаду за второй золотой медалью, точнее, мы едем за золотыми медалями.

С Коршиковым этот вопрос хотя и не обсуждался (помня выучку Сассаделать, а не загадывать), был уверен в нем, как в самом себе.

* * *

Мюнхен. Олимпийский гребной канал Фельдмохинг, ухоженный и аккуратный, будто сошедший с лубочной картинки. Болельщиков - не счесть. У меня создалось впечатление, что не было среди них человека, который не держал бы пари на какой-нибудь из экипажей. А подогревался бум по части прогнозов раскладкой сил, сделанной накануне при помощи ЭВМ. Специалисты заложили в ее блок-память результаты участников олимпийской регаты, показанные на соревнованиях последних четырех лет. Когда машина все пересчитала, свела воедино и классифицировала, вышло, что я и Коршиков должны последними закончить дистанцию в решающем заезде.

Мы с Генкой поулыбались, узнав о "приговоре", и поняли, что всерьез никто нас не принимает - ни источники информации, ни соперники, которые не обращали никакого внимания на наши тренировки. Вновь вспомнил предгоночные дни на мексиканском гребном канале Сочимилко и себя с Сассом в роли "темных лошадок". Роль эта хороша тем, что тренируешься в свое удовольствие и не думаешь о том, чтобы до поры до времени скрыть свою истинную силу.

Предстартовые страсти в классе двоек парных поднимались вокруг норвежского экипажа Франка Хансена и Свена Торгенсена. Это была новая двойка, родившаяся в предолимпийском цикле, но уже достаточно нашумевшая на крупнейших международных турнирах. В 1971-м она заняла второе место на чемпионате Европы и победила в Люцернской регате.

Лидером экипажа считался Франк Хансен. Несколько лет он выступал со своим братом Алвфом, но в преддверии Игр, когда их лодка вдруг начала терять ход, Франк объединился с Торгенсеном. Правда, после Мюнхенской олимпиады братья вновь сошлись в парной двойке и в 1975 и 1979 годах победили на чемпионатах мира, в 1976 году - на Олимпийских играх в Монреале. А в 1978 году стали чемпионами мира в двойке распашной без рулевого.

Но пока Хансен и Торгенсен немного свысока - и в прямом и в переносном смысле - оценивали претензии соперников, хотя, когда их начинали пытаться расспросами журналисты, чаще отмалчивались. Зато на тренировках демонстрировали себя во всей красе: здорово работали - мощно и слаженно.

Как-то идем с ребятами мимо эллинга, у которого норвежцы готовят лодку к выходу на воду. Все познается в сравнении, а тут словно нарочно нас рядышком с ними поставили. Хансен и Торгенсен - оба ростом за сто

девятью, с идеальной фактурой для гребцов. Когда отошли на несколько шагов, то кто-то из наших в задумчивости протянул:

— Да, мужики, тяжело вам придется против этих-то...

Претенденты на медали начали "просчитывать" нас уже после предварительного заезда, который мы вы-^ играли с отрывом от остальных секунд на пятнадцать-двадцать. Шли редким темпом, 29-30 гребков в минуту, держа высокую скорость от начала и до конца дистанции за счет акцентированной и долгой проводки весел.

Перед полуфиналом говорю Коршикову:

— Что бы ни случилось, не удивляйся. Темп буду менять в зависимости от ситуации.

— А что может случиться, Саня? - спросил он.

— А то, Гена, что, может быть, придется чуть-чуть затемниться. Чую, кое-кто хитрить начнет, поэтому как на ладони себя выставлять не резон, до финала подождем.

По три первые лодки из каждого полуфинала получали право стартовать в главной гонке. Мы же волей жребия попали в один полуфинальный заезд с норвежцами и отменным экипажем из Дании: Зехер - Энгель-брехт. 122

Старт взяли сильно. Сразу же вышли в лидеры и к отметке "1000 м" опережали Хансена и Торгенсена секунды на четыре. Я мысленно прикинул: и мы, и норвежцы, и датчане без проблем выходим в финал, остальные три лодки безнадежно отстали. Так пусть соперники подумают, что нас хватает лишь на первую тысячу. И сбросил темп до 24-25 гребков. Генка мгновенно поддержал. На финише были третьими, после норвежцев и датчан. И Самсонов тут же учинил разнос:

— Вот вы, - кричит, - бережетесь, а кто сценарий финальной гонки будет проигрывать?

— Евгений Борисович, вы будто не видели, что и норвежцы с датчанами береглись, - тихо сказал Гена Коршиков, талантливо изображая незаслуженную обиду.

— Я много что видел, - оборвал его наш тренер. - Но у них - свое, у вас - свое. Предупредил - идти, как если бы был финал.

И тут я подал голос:

— Евгений Борисович, - говорю, - погодите, цыплят по осени считают. Какой смысл сейчас-то нервы тратить.

— Ну-ну, - сказал Самсонов. - Значит, цыплят по осени? Ну-ну...

А я не сердцем, не разумом, а каким-то чутьем угадывал, что правильно мы с Коршиковым сделали, не раскрывшись в полуфинале полностью. Хотя и Самсонов-ва можно было понять.

Но дело было сделано. И, проиграв мы главную гонку, Самсонов никогда мне не простил бы полуфинальной "бережливости". Не нам, а лично мне.

— Ну-ну, Тимошинин, - соболезнующе протянул Коршиков и подмигнул мне. - В финале тоже "темниться" будем? Смотри, еще одна такая гоночка, и доведем Борисыча до белого каления. А это, Саня, чревато... Эй! - вдруг воскликнул Генка, глянув на часы. - За разговорами обед упустим!

Еда в эти дни стала для Коршикова большим вопросом. От нервных перегрузок на Гену напал дикий жор. Он мог съесть слона и сказать, что голоден. Но тащить две тысячи метров его лишние килограммы было ни к чему. Поэтому за столом я правил поведением Коршикова железной рукой.

— Гена, ты съел первое, второе, третье? Десерт на четвертое скушал? Ставим точку. До свидания.

— Шура, я есть хочу.

— До сви-да-ния.

Гена с сожалением окидывал уставленный опустошенными тарелками стол и нехотя направлялся к выходу. Зато после финальной гонки Коршиков несколько суток на еду даже смотреть не мог.

А накануне финала пошли мы с ним в интерклуб, отвлечься от мыслей о предстоящей гонке. Перед входом встретили Малышева. Поговорили о том о сем, посмеялись над каким-то глупейшим анекдотом, и вдруг Малышев рассудительно так говорит:

— Я завтра финал, пожалуй, выиграю.

И на нас смотрит, ждет, какая реакция будет на его слова. Я подумал и говорю:

— Знаешь, Юра, если судить по "предварилровке" и полуфиналу, то и мы завтра элементарно всех "цепляем".

Коршиков крутит головой, то на меня глянет, то на Малышева, и, чувствую, не понимает, как мы о таких серьезных вещах можем вести такие несерьезные разговоры.

— Вот и Гена так же думает, - сказал я.

— Ага, - сказал Гена. - Выиграем.

— Спорим? - тут же подхватил Малышев.

— Зачем? - спросил Коршиков.

— Значит, сомневаешься? - спросил у него Юрка.

— Я - нет, а ты, похоже, да, если спорить собрался, - сказал Гена.

— С тобой все ясно, - сказал Малышев и обернулся ко мне: - Ну а ты, Сань?

— Спорим, - ответил я. - Безвозмездно. Завтра в то же время встречаемся здесь и позволяем себе по коктейлю.

— Если выиграем, - закончил Малышев.

— Товарищ соображает, - улыбнулся Коршиков. На этом и расстались.

Отбой устроили себе пораньше, чтобы как следует выспаться. И мне приснился фантастический сон с реальными героями и совершенно нереальными ситуациями. Будто мы с Вячеславом Ивановым проигрываем финальный олимпийский заезд двоек парных Самсонову и Сассу. Причем гребет лишь Фомич, а Евгений Борисович сидит на первом номере с секундомером в руке и зычным голосом командует: "Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!" И вдруг я оказался в восьмерке вместе с отцом, тренером Сасса Демьяновым, профессорами современной школы отечественной гребли Александром Михайловичем Шведовым и Александром Николаевичем Шебуевым, Геной Коршиковым, Юрием Тюкаловым и Александром Долгушиным, а на руле сидел заслуженный тренер страны Игорь Николаевич Поляков, одетый почему-то в цивильный костюм, но в белой панамке, и кричал в рупор, что если мы не поднажмем, то на чемпионат мира поедет восьмерка из ЦСК. ВМФ Михаила Плаксина...

Затем попадал в лодки с другими гребцами, во времена которых выступал и кого знал только по рассказам; делал фальстарты и переворты на дистанции; снимался в черном мексиканском сомбреро, опаздывая на самолет, и пытался выяснить у Франка Хансена, как они пойдут финальную гонку и что думают о нас с Коршиковым, но Франк упорно не желал понимать по-русски и вежливо разводил руками в ответ на все мои вопросы...

Когда осознал, что уже не сплю, за окном занялся рассвет. Залез под душ, вспоминая, что же мне такого приснилось-то. После душа исчезли сонливость и усталость, но повели наступление мысли о предстоящей гонке. Попробовал было избавиться от них, открыл книгу, но читать не смог. Подумал: а почему, собственно, должен пугаться своих мыслей? Не мальчишка же с неустоявшейся психикой, кое-что повидал в гребле, да и ответственность за Гену Коршикова и за нашу будущую победу не даст перегореть. А вот взвесить все "за" и "против" не помешает.

Значит, так: на бирже прогнозов больше других котируются норвежцы, датчане и чемпионы Европы прошлого года Шмидт и Бемер из ГДР. Мы же после полуфинала ходим в "случайных".

Основные соперники - Хансен и Торгенсен. Если их объединим, то будем чемпионами. У норвежцев козырь - финиш. Самсонов предупреждал, и в полуфинале они финишный рывок лишний раз попробовали.

Впечатляет.

Вывод один - ошеломить их со старта и идти всю дистанцию в максимальном темпе. Без всяких тактических уловок заставить их поработать два километра, чтобы лишить преимущества в конце дистанции. Хотя на первой тысяче они в погоню не бросятся, должны запомнить, как мы "скисли" на второй половине пути в полуфинале. Здесь и нужно сделать максимальный отрыв. А там видно будет. Догонять всегда труднее. Они ведь тоже люди, не машины... Коршиков спросил:

— Как спалось?

— Прекрасно, - ответил я. - А тебе?

— Отлично, - услышал в ответ. Самсонов, провожая на воду, тихо напомнил:

— Смотри не переиграй, - и добавил: - Помни, главное - дотерпеть.

Перед нашим финалом в сумасшедшей гонке Юра Малышев сумел вырвать золотую медаль у чемпиона мира аргентинца Альберто Демиди.

— "Раз" - есть, - сообщил Коршиков. - Молодец Юрка.

— Теперь за нами сказать "два".

— Скажем, - успокоил меня Коршиков. - Он смог а мы что, хуже?

Я не верил в Генкино спокойствие. Но внешне предстартовые эмоции на Коршикове не отразились. Характер что надо!

— Значит, как и договорились: с самого начала и до конца? - спросил Коршиков.

— Да, Ген, другого варианта нет.

— Знаю, - спокойно сказал он, и мы пошли на старт.

После команды "партэ!" сразу же выскочили вперед. Вот миновали стартовую зону и, не давая себе ни секунды передышки, вышли на максимальный темп и силу дистанционного хода.

Успел заметить, как крутанул головой в нашу сторону рыжий Торгенсен и что-то отрывисто крикнул Хансену. Неужто бросятся в погоню? - промелькнула мысль.

Нет, в погоню норвежцы не бросились - как работали ровным мощным гребком, так и продолжили.

Чемпионы Европы спортсмены из ГДР следили за ними, не обращая на нас ни малейшего внимания.

А я молился в эти секунды непонятно кому, скорее всего Генке и себе, чтобы только хватило сил и скорости до конца дистанции. Только бы хватило!

Позади тысяча пятьсот метров. Выигрываем у норвежцев секунд пять. И тут они врубили, именно врубили, свой знаменитый финишный рывок. Я это даже не увидел, почувствовал или, точнее, услышал по еле уловимой смене частоты "шлепков" со второй воды, по которой шли Хансен и Торгенсен.

Попробовал сам прибавить. Вроде бы получилось. И Коршиков поддержал.

За двести метров до финиша, когда шли в коридоре трибун, вдруг исчезли силы. Будто испарились.

Но мы продолжали гнать лодку к финишу, не сбавляя темпа.

Не знаю, где и в чем черпали для этого силы.

Но ведь черпали же!

Чтобы сохранить темп, взятый еще на старте, и не сбиться с ритма, я просто-напросто гармошкой сокращался в лодке, уже не вспоминая ни о технике, ни об осанке - ни о чем.

Мы идем по четвертой воде. Норвежцы по второй. И с каждым гребком они по сантиметрам, но наезжают и наезжают на невидимую проекцию кормы нашей лодки, наезжают методично и неотвратно, как каток.

Метров за двадцать скосил глаза в их сторону и с каким-то невероятным облегчением подумал: пусть наезжают, пусть хоть вровень встанут, но все равно мы первые, и ничего они не успеют сделать!

Последние, золотые финишные гребки мы с Коршиковым проделали на "автопилоте".

Но отчетливо услышал электронный "бип" - первый звоночек, который прозвучал нам. Чуть погодя "бипнули" норвежцам, а затем и Шмидту с Бемером.

Я все слышал и четко понимал, кому прозвучал первый сигнал, кому второй и кому третий.

Сидим в лодке, отдыхаем. Обернулся. Генка внешне само спокойствие, а глаза шальные, и лицо в белесых разводах, как в морозных узорах стекло бывает.

Вскоре нас позвали к наградному плоту. Взялся за рукоятки весел, а они из рук выскользывают, никак не могу ухватить - пальцы не гнутся. Наконец кое-как приловчился. Взмахнул пару раз - лодка еле-еле ползет. Обернулся. Коршиков как сидел, так и сидит, на меня серьезно-серьезно смотрит. Я ему говорю:

— Гена, за- медалями зовут, поехали. А он в ответ, и вполне серьезно:

— Какие медали, Шура? Я домой хочу, к маме...

Ему, как и мне в 1968-м, в послефинишные минуты было не до медалей.

Он отдал гонке всего себя, без остатка, взяв силы из резерва, который есть в каждом из нас и заложен при- "родой, как неприкосновенный запас - на самый крайний, самый пожарный случай, да и то, если хватит воли вскрыть в себе этот истинно "золотой" запас.

Когда встали на пьедестал и публика аплодировала, не жалея ладоней, я Коршикову говорю:

— Гена, помаши руками и улыбайся, ведь это нас приветствуют.

И услышал шепот Коршикова:

— Саша, тогда держи меня крепче, а то упаду...

Вот так завершилась вторая и последняя моя финальная олимпийская гонка. И как ни странно, но именно тогда почувствовал, что вместе с ней кончились мои сомнения и неудачи последних четырех лет, сбылась мечта, потому что мог вслух сказать себе: я - гонщик, я готов повести за собой...

Глава 4.

Дай руку, спорт!

Вот и пришла пора ставить точку. Но прежде чем это сделать, затрону еще одну, на мой взгляд, чрезвычайно актуальную тему, которую определил бы так - "спорт и мы". И разговор предназначен прежде всего юношам и девушкам, стоящим на пороге взрослой самостоятельности.

Речь пойдет не о соревновательных итогах спортивной борьбы - голах, очках и секундах. Давайте копнем глубже. Например: какое место может и должен занимать спорт в жизни человека? Или: кто такой и одновременно что такое спортивная "звезда"? А то повернем вопрос на сто восемьдесят градусов: почему кто-то прошел мимо спорта - сознательно не желал заниматься, или ленился, или, может, просто не хватило времени? Наверное, этот кто-то забыл, что крепость тела как и бодрость духа, необходима всем и каждому -

Получается, что я тридцать лет в спорте. С первой его ступеньки дошел до высшей: со спортом ныне связанная профессия, я - тренер. Основная забота тренера это его Ученики. А кто-нибудь из вас задумывался как новички приходят в спортивные секции? Все верно, путей немало: кого-то привели родители, заботясь о здоровье ребенка, кто-то сам нашел дорогу в спортзал, бассейн или на стадион, кого-то тренер заметил на школьном уроке физкультуры. Но разве пример больших спортсменов, чемпионов мира и Олимпийских игр, не помогает ребятам в выборе того или иного вида спорта?

Сотни девочек встают на фигурные коньки, мечтая стать Ириной Родниной, а сотни мальчишек застегивают ремешки своих хоккейных шлемов не под, а над подбородком, потому что так делал их кумир Вячеслав Старшинов. Подражание "звезд" спорта настолько сильно, что в одном из пионерских лагерей я видел, как сборная мира по футболу играла против московского "Спартака". На синей вратарской футболке юного москвича белыми буквами была старательно выведена фамилия знаменитого итальянского голкипера Зоффа, правда, с одной буквой "ф" вместо положенных двух. В противоположных воротах стоял, понятное дело, "Дасаев", а в поле играли "Пеле", "Блохин", "Марадона", "Черенков", "Гаврилов"...

Однажды зашел к жене в бассейн, где она тренировала юных прыгунов в воду, и невольно услышал любопытный разговор. Тренер детской ватерпольной команды - его подопечные тренировались в соседней ванне - вел беседу с двумя мальчишками по возрасту, думаю, из класса шестого-седьмого. По тому, что тренер держал школьные дневники, а вид у ребят был далеко не радостный, нетрудно было догадаться, что разговор касался их учебы. При начале беседы я, правда, не присутствовал, но один из последних тренерских примеров запомнил очень хорошо.

— Между прочим, - сказал тренер, - капитан сборной команды Александр Кабанов, которым вы так восхищаетесь и на которого хотите быть похожими, закончил школу с серебряной медалью. Всего одна четверка у него в аттестате была. А у вас? Стыдно дневник раскрыть - тройки да двойки. Какие вы спортсмены с такой учебой?

После того как он вместо тренировки отправил горе-учеников домой с приказом: "Пока не исправите, в бассейн не приходите", я спросил:

— Ну и насколько действенны подобные разговоры?

— Как правило, помогают, - ответил он. - Но куда лучше, когда не я, а кумиры ребят объясняют им, что к чему. Год назад на собрание команды старшего

возраста я пригласил Сашу Кабанова. Перед началом попросил его побольше внимания уделить не игровым и тренировочным вопросам, а учебе в школе и таким понятиям, как честность, справедливость, доброта, дружба. После этого разговора мальчишки изменились. И что главное - ответственности за свои поступки у них прибавилось...

Я привел лишь несколько из великого множества примеров, как "звезды" большого спорта влияют на юных спортсменов. Влияние это традиционно и от желания или нежелания "звезды" независимо. Прекрасно, если, помимо чисто внешнего проявления "хочу быть похожим", ребята с помощью своих кумиров учатся быть Людьми с большой буквы, чистыми и честными в своей морали и поступках. Примерность "звезд" в этом огромной важности деле трудно переоценить. И не случайно под эгидой ЦК ВЛКСМ возникла кампания "Советские спортсмены - школе". Причем, заметьте, не только детской спортивной школе, а прежде всего школе общеобразовательной. То есть понятие "звезда спорта" в нашем обществе уже давно имеет социальное значение.

Огромная моральная ответственность - как это ни громко звучит - ответственность за правильное воспитание подрастающего поколения страны - легла на плечи наших знаменитых чемпионов, многие из которых сами-то недавно вышли из школьного возраста. А ныне тысячи ребячьих глаз следят за их поступками и поведением. Хотят "звезды" этого или не хотят, они все время на виду. Если с тебя берут пример, ты обязан сам быть примером. Во всем. Начиная, предположим, с поведения на поле и кончая своей учебой. По себе знаю, как трудно повседневно чувствовать, что необходимо быть объективно правильным. Но ведь на самом деле иначе нельзя, и никуда от этого не деться. И попробуй вдруг забыть, что есть телевидение, которое не забывает о твоём "крупном плане" во время показа спортивных программ. К примеру, если сегодня тот же Дасаев, не сумев сдержать эмоций, чуть ли не с кулаками накинется на допустившего ошибку защитника или вратарь нашей хоккейной сборной Мышкин в расстроенных от пропущенной шайбы чувствах со злостью хватит клюшкой о лед, то где гарантия, что завтра их юные почитатели уже в своей игре не сделают то же самое?

Спорт есть спорт. В его азарте иногда забываешь самого себя. Однако вот прежде всего "звездам" подобная роскошь непозволительна.

В спорте, как и в жизни, все развивается в непрерывном продолжении. На смену одним чемпионам приходят другие. А те, кто только что ушел, начинают готовить преемников нынешним победителям чемпионатов мира и Олимпийских игр. Но я точно знаю, что "звезды" очень долго не забываются в народе. Зато как бывает горько, когда, покинув арены большого спорта, некоторые большие спортсмены вдруг забывают себя. У них будто отказывают какие-то внутренние тормоза. И теперь свою вседозволенность они объясняют якобы вознаграждением за те ограничения и жертвы, что требовал от них большой спорт. И поверьте, когда "звезда" буквально в течение нескольких месяцев опускается донельзя - это неприглядное зрелище. Но во сто крат страшнее то разрушительное действие, что оказывают на юных спортсменов избравшие тренерскую профессию "падшие" звезды.

Как-то на тренировке на олимпийском гребном канале в Крылатском ко мне подошли юные гребцы и спросили:

— Александр Иванович, правда, что наш тренер в вырезатель попал?

Их тренера я знал, мы с ним выступали в одно время. Замечательный был спортсмен. Но как закончил грести, так и "понеслась душа в рай". Жалели его за былые заслуги, из одного спортклуба выгоняя, в другой брали, затем - в следующий. А он как человек все ниже и ниже опускался. И то, что в вырезатель попал, так оно и было. Но как я мог об этом ребятам сказать?

— Нет, - говорю, - наверное, просто приболел.

Они сказали "спасибо" и ушли. А ведь не поверили. По их глазам видел, что не поверили...

"Звезды" советского спорта. И в двадцать лет, и в пятьдесят вы все равно остаетесь "звездами". На вас будут равняться, вам будут подражать. Вас будут слушать, раскрыв рты будущие "звезды", и необязательно большого спорта, а физики, математики, кино, литературы. И ваше высочайшее спортивное искусство будет по-прежнему призывать к жизни. Это не пустые слова. В редакции газеты "Советский спорт" мне как-то показали копию письма, адресованного знаменитой фигуристке Ирине Родниной. Письмо это было необычно тем, что пришло из колонии для несовершеннолетних преступников. Юноша, отправивший его, написал адрес всесоюзной спортивной газеты, вложив в конверт еще один лист с просьбой передать письмо "лично Ирине Родниной". Я сейчас не вспомню текст письма дословно, но что передам суть его "близко к тексту", за это ручаюсь, потому что такие вещи не забываются.

"Когда я совершил преступление и попал в колонию, то думал, что жизнь для меня кончилась. Но однажды' увидел по телевизору, как Вы выступали на льду, и понял, что надо обязательно жить. Жить честно и справедливо. Вы вернули меня к жизни. Я очень Вам благодарен..."

Письма, подобные этому, и адресованные нашим спортивным "звездам", не единичны. И разве могут сравниться медали и рекорды с несколькими строчками признания, за которыми стоит жизнь человека. Хотя бы ради этого стоило придумать спорт и довести его до нынешних высот, затрагивающих не только тело, но и душу, сердце человека, заставляя его заново осознать или впервые в жизни поверить в прекрасное - в саму жизнь, честную и добрую. Поверить в себя.

А случается, что мы, хоть чего-то добившиеся в спорте, сами того не подозревая, становимся врачами. От нас не требуются какие-то специальные медицинские знания. Достаточно просто навестить больного. И одно это порой дает более удивительный эффект, чем длительные процедуры. Я прекрасно понимаю, почему наши хоккеисты-ветераны, проводившие товарищеские матчи в Канаде в 1984 году, сразу же откликнулись на просьбу организаторов посетить один из санаториев для детей с врожденными пороками. Как в Канаде любят хоккей, общеизвестно. Силу русских в этой игре тоже знают

здесь давно. И что значила для этих канадских ребят, с детства ставших инвалидами, встреча с легендарными советскими хоккеистами, которых они днем раньше видели на экранах телевизоров, понять нетрудно. У нашей команды был очень напряженный график матчей и переездов из города в город. И времени всегда было, что называется, в обрез. Но сначала ради именно таких вот встреч - во имя жизни и во славу спорта - выступают ветераны и только потом ради побед на хоккейных полях.

Я говорю это от имени всех спортсменов-ветеранов, истинных спортсменов и настоящих людей. Потому что уверен, что гю-другому совесть не позволит им поступить. И знаете, о чем еще подумал: вот у врачей существует клятва Гиппократова - клятва на верность людям, попавшим в беду. Это торжественный ритуал посвящения в профессию. Так, может быть, и во всех детских спортивных школах, после того как новички прошли испытательный срок, стоит тоже ввести торжественно организованный прием в ряды юных спортсменов. Я подчеркиваю - именно во всех, так как в некоторых этот торжественный прием проводится уже многие годы и надолго остается в памяти ребят. И пусть вместе с обещанием быть честными и благородными в спортивной борьбе ребята дадут клятву всегда и везде помнить, что они, испытавшие на себе и поверившие в целительную силу спорта, обязуются своим примером увлечь сверстников, привести их на стадионы, в бассейны и спортзалы. Ведь мы, взрослые, видим сейчас, насколько важны такие примеры именно в ребячьей среде. Даже самый гениальный тренер-педагог или лучший учитель физкультуры порой бессилён против активного нежелания какого-нибудь школьника заниматься физкультурой и спортом. И наши "взрослые" наставления, доказательства, а подчас и требования раз за разом разбиваются о стену нежелания, пока... не придет на выручку кто-нибудь из друзей или подруг этих ребят. Чаще всего здесь срывается уязвленное самолюбие: "Он может, а я хуже, что ли?" И не только в сравнении самых простых физкультурных навыков: кто-то дальше или выше, чем ты, прыгает, кто-то быстрее, чем ты, бегают. Многие будущие "звезды" приходят в спортивные секции, чтобы вначале доказать себе, что они не хуже других. И в тот же момент начинается становление их характеров, борьба с собственными "не хочу" и "не могу". Трехкратного олимпийского чемпиона по гребле на байдарках Владимира Парфеновича затащил в секцию к прекрасному детскому тренеру Петру Ефимовичу Ковганову его школьный приятель. Парфенович сначала решил просто посмотреть, чем же там ребята занимаются. Затем сам сел в лодку, чтобы другим и себе доказать, что у него тоже гребля получится. А вскоре мальчишеское самолюбие заставило его попытаться стать лучше всех. Так родился лучший гребец мира Владимир Парфенович...

Однажды меня, к тому времени уже двукратного олимпийского чемпиона, пригласили на вечер московских старшеклассников, который назывался довольно интригующе: "Кто ты, спорт? Друг или..." Когда я узнал, под каким названием будет проходить встреча, то про себя улыбнулся: о каком "или" может быть разговор? Но разговор как раз об "или" и возник.

Этот вечер был организован как диспут на тему: нужны ли дополнительные физические нагрузки человеку (как пример - занятия спортом), или для

нормального физического развития вполне хватит движения в нашей повседневной жизни. По моим наблюдениям, противников и сторонников спорта в зале было приблизительно поровну. Ну а так как я оказался среди гостей единственным олимпийским чемпионом, то многие вопросы были адресованы непосредственно мне. Лет шесть-семь прошло с того вечера, но вы знаете, актуальность того разговора не пропала до сих пор. Может быть, даже и возросла. Поэтому и хочу сейчас вспомнить, о чем мы, взрослые, говорили с ребятами и о чем они спорили друг с другом, ведь многие сами активно занимались спортом, были среди них кандидаты и мастера спорта по гимнастике, боксу, лыжным гонкам.

Один из первых вопросов предназначался учителю физкультуры:

— В чем ваш критерий оценки "отлично" по физкультуре?

— В первую очередь выполнением требований школьной программы, - ответил он.

— Вы сказали "в первую очередь". Но разве за этим не стоит нарушение объективного подхода к личности ученика? Вот такому-то (я не помню фамилию, но она была названа) вы поставили в аттестат четверку, тем самым лишив его медали. Хотя мы знаем, что с требованиями школьной программы по физкультуре он справлялся.

— Формально я мог бы ответить так: нет, с требованиями школьной физкультурной программы на "отлично" он не справлялся: несколько секунд для этого ему не хватило в кроссе, да и в гимнастических упражнениях кое-что не получалось. Но это не главное. Вы заговорили о личности ученика. Личности человека. Так вот, он сознательно не хотел быть лучше, потому что тогда требовалось бы приложить какие-то усилия. В открытую говорил: "Зачем мне это надо?" И если бы я, или преподаватель физики, или математики, или любого другого школьного предмета попробовал согласиться с такой позицией, то кого бы мы выпускали в самостоятельную жизнь? Людей, привыкших плыть по течению и не умеющих бороться? Не умеющих заставить себя максимально реализовывать свои силы, возможности и способности? Вы очень часто говорите на школьных митингах высокие слова: "Полностью посвятить себя служению Родине". А воспитание умения полностью отдавать себя любому делу, которое вы выберете в жизни, и начинается со школы. Вы, конечно, знаете, что ко мне приходили его родители. Убеждали, просили не портить аттестат, сравнивали спортивные способности своего сына и тех ребят, кому я поставил "пятерку". Я, насколько это мог, объяснил им, что отличники именно в поте лица отработали свою пятерку. Пусть что-то у них не получалось, но они старались. И уверен, что и в жизни они будут стремиться день ото дня лучше делать порученное им дело. Правда, родители того парня, по-моему, так и не поняли, о чем я говорю...

Уже по началу вечера я понял, что разговор предстоит очень серьезный, а не просто для галочки. Так и случилось: ребят не интересовало, к примеру, где и как я становился чемпионом, о чем я обычно рассказывал на многочисленных встречах со школьниками. И первый же вопрос ко мне был такой:

— Как вы считаете, должен ли существовать в наши дни "культ тела"?

Я вспомнил беседы с отцом на похожую тему, хотя "культ тела" в них и не фигурировал. Но когда правдами и неправдами я каждый день "качал силу", не без внутренней гордости замечая, как объемнее становятся мускулы, и сравнивал себя с Гераклом, то батя не уставал напоминать: "Думай и не забывай: сила без головы, как и голова без силы, - это пустое".

— Наверное, как и все вы, считаю наличие умной головы главным при достижении успеха в жизни, тем более в век технического прогресса. Помеха ли этому "культ тела"? Уверен, что нет, если только забота о рельефной мускулатуре не становится навязчивой идеей. Разве спортсмены проповедуют "культ тела"! Просто спорт, физические нагрузки позволяют содержать тело в порядке, или, как мы говорим, в норме. Кстати, гармоничное развитие человека предлагает физическое совершенствование не менее, чем умственное, что, к сожалению, встречается сейчас довольно редко: больше половины ребят, когда наступает им срок служить в армии, не то что нормативы ГТО сдать не могут, даже не в состоянии разок на перекладине подтянуться. Понимаете, они - хи-лы-е. А ведь это, помимо прочего, элементарное неуважение к своему телу. Спорт - это борьба. Но ведь и жизнь - это тоже борьба. Борьба за жизнь. Люди придумали физические упражнения, чтобы содержать свои мышцы в боевой готовности. Разве в жизни мало экстремальных ситуаций? Предположим, вы бросаетесь на помощь человеку в горящем доме, а силы-то у вас нет. Вы бессильны перед лицом стихии. Кто виноват? Ваше тело, а значит - и вы.

Но если честно, я никогда не задумывался над "культом тела". Например, многие из выдающихся некогда мастеров академической гребли сейчас не менее известные профессора, академики, скульпторы, писатели. Но о крепком, здоровом теле, помогающем в напряженной умственной работе, они заботились всегда - и в детстве, и во взрослые годы.

Помню также вопрос "из зала" парню, который, как мне сказали, собирался поступать в консерваторию.

— Сколько ты играешь каждый день?

— По три-четыре часа. - Устаешь?

— Конечно.

— А как отдыхаешь?

— Читаю, телевизор смотрю.

— А пробовал отдыхать с помощью спорта?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю... Мне кажется, так еще больше устанешь. Да и времени нет...

"Нет времени"... Эта фраза часто встречалась, когда "сторонники" спорта обрушивались с вопросами на ребят, относящихся к занятиям спортом как ненужной трате времени; а те, в свою очередь, задавали им вопросы насчет внеклассного увлечения науками, искусством. В итоге все сошлись на том, что все хорошо в меру: и спорт, и просто физкультура. Кто-то шутливо даже пропел: "В здоровом теле - здоровый дух!"

В общем, была масса вопросов и к взрослым, и друг к другу. Но закончилась встреча так, как, уверен, никто из ребят не ожидал. С последнего ряда вдруг встала худенькая девочка и сказала, ни к кому не обращаясь и одновременно обращаясь ко всем. Хотя "сказала" - это не совсем точно, если говорить о тоне, каким она это сделала. Это был рассказ-воспоминание и в то же время ода во славу силы человека, что ли.

— Я никогда не занималась спортом и всю жизнь была освобождена от уроков физкультуры. Я знаю, что больна, что мне противопоказаны физические нагрузки. Даже самые маленькие физические нагрузки. Но от этого мне не легче. И я завидую вам, сильным и здоровым. Вы не знаете, что такое быть слабой. Как это тяжело каждый день, каждый час чувствовать себя слабой, когда не хватает сил просто учиться. Я сейчас слушала и не понимала, как это кто-то не хочет быть сильным, еще сильнее. Так может говорить лишь тот, кто не понимает, что он слабый. Возможно, он и чувствует, что слабый, но не понимает этого...

Меня потрясло, насколько спокойно она все это сказала. Начала говорить при шумном зале, а закончила в напряженной тишине. И это была думающая тишина, думающая над каждым ее словом.

Я потом не раз и не два прокручивал дома магнитофонную пленку с того школьного вечера. Так повелось, что на подобные встречи с ребятами беру с собой портативный кассетник, чтобы затем в спокойной обстановке подумать над наиболее острыми вопросами, осмыслить, чем живут сегодняшние школьники (ведь и мои сыновья в этом же возрасте), среди которых и мои будущие ученики в спорте. Так вот, более сильных слов в защиту спорта, нежели как от той девочки, больше ни разу мне не довелось слышать.

Хотя спорт не столько в защите нуждается, сколько в понимании всеми и каждым необходимости каждодневных занятий им.

Именно регулярность физических нагрузок - вот что возьмите за неперемное правило. А называйте это как угодно: спорт или физкультура - все равно.

Поэтому и хочу поговорить об умении преодолевать так называемую "критическую точку". Наступает она обычно в тот момент, когда с непривычки устаешь от регулярного тренинга и готов сказать себе, что ничего страшного

не случится, если разок пропустишь тренировку или же не встанешь пораньше, чтобы пробежать километр-другой.

Так вот, в том, как вы сумеете выйти из "критической точки", и проявится ваш характер, умение победить собственную ленцу или подчиниться ей. Да, можно без труда отыскать множество якобы объективных причин нежелания именно сегодня выйти на старт: мол, ничего, завтра нагоню упущенное.

Как раз здесь-то и кроется основная ошибка. Не нагоните! Поверьте моему спортивному опыту, ваша сегодняшняя слабость заразит вас будто вирусом. И ох, как трудно будет потом вылечиться от болезни соглашательства с самим собой...

Умение с честью преодолеть "критическую точку" одинаково важно как для именитого спортсмена, так и для начинающего. И не только спортсмена, но и просто физкультурника. Опять же с такой уверенностью говорю об этом, потому что на себе испытал, что после побед над собственными "не хочу" и "не могу" по-другому начинаешь относиться и к самому себе. По-настоящему уважать себя начинаешь, понимая, что ты - "властелин собственного слова". Поэтому и считаю не лишним напомнить: умеете владеть собой.

Это главное, о чем хотел сказать.

Вот теперь и ставлю точку.